

Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки

**ROLE OF LIBRARIES IN INFORMATION SUPPORT
OF HISTORICAL SCIENCE**

Автор-составитель Е.А. Воронцова

**Ответственные редакторы
А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов**

**Москва
Moscow
2016**

УДК 930.2; 069; 008; 004

ББК 79

P68

P68 **Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки:** сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. — М.: Этерна, 2016. — 672 с.

Role of libraries in information support of historical science: a collection of articles / Author-compiler E.A. Vorontsova; responsible editors A.O. Chubaryan, V.R. Firsov. — Moscow: ETERNA, 2016. — 672 p.

ISBN 978-5-480-00244-7

Цель проекта — серии из трех сборников «Музеи — библиотеки — архивы в информационном обеспечении исторической науки» — заключается в описании поставленной проблемы в преломлении основных хранилищ исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов. В сборниках рассматриваются: место музеев — библиотек — архивов в информационной инфраструктуре науки; репрезентация их информационного потенциала; их собрания, фонды как информационный ресурс; технологии извлечения информации из источников и то, что ИКТ дают науке и музеям — библиотекам — архивам; коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации.

Второй сборник серии — «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки». Его авторы — исследователи из 11 городов России: историки и библиотековеды, философы, филологи, культурологи, экономисты, представители технических наук, специалисты в области информатики и информационных технологий; известные и молодые ученые, методологи и библиотечари-практики, представители научных институтов и вузовской науки.

Адресован историкам, библиотековедам, а также тем, кого интересуют междисциплинарные исследования на стыке исторической науки с гуманитарными и иными науками, науковедением, информатикой.

УДК 930.2; 069; 008; 004

ББК 79

ISBN 978-5-480-00244-7

© Е.А. Воронцова, авт.-сост., 2016

© Авторы, 2016

© Издательство «Этерна»,
оформление, 2016

ПРОЕКТ

Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки

Автор проекта: канд. ист. наук, старший науч. сотр. (ученое звание), научный редактор (высшая категория сложности), зав. сектором издательских проектов Государственного литературного музея *Евгения Александровна Воронцова*

Партнеры

Ассоциация «История и компьютер»
Российское общество интеллектуальной истории
Институт археологии РАН
Институт всеобщей истории РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Российская библиотечная ассоциация
Библиотека по естественным наукам РАН
Государственная публичная историческая библиотека России
Российская государственная библиотека
Российская национальная библиотека
Архив РАН
Научный совет по музеям СО РАН
Научно-образовательное культурологическое общество России
Государственный исторический музей
Государственный литературный музей
Кафедра исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова
Кафедра музеологии Факультета истории искусства РГГУ
Исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия»

Информационные партнеры

Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории
Историческая информатика: журнал Ассоциации «История и компьютер»
Научно-педагогическая школа источниковедения — сайт Источниковедение.ru
Библиотекосведение
Библиотечное дело
Вопросы культурологии

При подготовке издания по инициативе автора проекта проведены

Секция «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки» на юбилейной Международной научной конференции «150 лет на службе науки и просвещения» Государственной публичной исторической библиотеки России и Государственного исторического музея (6 декабря 2013 г.)

«Круглый стол» «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки» (12 апреля) и секция «Библиотеки и историческая наука в ретроспективном контексте» (13 апреля) на Международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки «Румянцевские чтения – 2016» (12–13 апреля 2016 г., Москва)

«Круглый стол» «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки» (18 мая) на XXI Ежегодной конференции Российской библиотечной ассоциации (16–19 мая 2016 г.), организованный Секциями: 35 – специальных научных, научно-технических и технических библиотек (председатель П.П. Трескова); 07 – по истории библиотек (председатель И.Г. Матвеева); 34 – по особо ценным рукописным документам и редким книгам (председатель А.Ю. Самарин)

Редакционная коллегия серии

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ. Президент Российского общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем». Председатель редколлегии, главный редактор серии

Афанасьев Михаил Дмитриевич, кандидат педагогических наук, директор Государственной публичной исторической библиотеки России, член совета Российского исторического общества

Афиани Виталий Юрьевич, почетный член Российской академии художеств; кандидат исторических наук, директор Архива РАН, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института РГГУ. Член Бюро Отделения историко-филологических наук и Музейного совета РАН

Бак Дмитрий Петрович, директор Государственного литературного музея, член совета Российского исторического общества, председатель Ассоциации литературных музеев России

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, заместитель декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, почетный президент Ассоциации «История и компьютер»

Владимиров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, президент Ассоциации «История и компьютер»

Гайдуков Петр Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии РАН

Ефременко Дмитрий Валерьевич, доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН по научной работе

Каленов Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор, директор Библиотеки по естественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН

Кондаков Игорь Вадимович, кандидат филологических наук, доктор философских наук, академик РАН, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. Вице-президент Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) России, председатель Научной коллегии НОКО, заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры»

Липкин Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, директор Института всеобщей истории РАН, ответственный секретарь серии «Всемирная история»

Определёнов Владимир Викторович, заместитель директора по информационным технологиям Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, член Президиума АДТИ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»)

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН

Самарин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, заместитель генерального директора Российской государственной библиотеки по научно-издательской деятельности, главный редактор журнала «Библиотекосведение»

Сукиасян Эдуард Рубенович, кандидат педагогических наук, главный редактор Библиотечно-библиографической классификации (ББК), заведующий сектором Научно-исследовательского центра развития ББК Российской государственной библиотеки

Трескова Полина Прокопьевна, кандидат педагогических наук, директор Центральной научной библиотеки Уральского отделения Российской академии наук

Фёдоров Павел Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина

Фирсов Владимир Руфинович, доктор педагогических наук, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки, президент Российской библиотечной ассоциации, председатель Секции РБА по библиотечной политике и законодательству

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, заместитель председателя Научного совета по музеям СО РАН, секретарь Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО

Яновский Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного исторического музея по научной работе

Научные консультанты

Тихонова Елена Валерьевна, кандидат педагогических наук, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки по библиотечной работе

Черный Юрий Юрьевич, кандидат философских наук, руководитель Центра по изучению проблем информатики Института научной информации по общественным наукам РАН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора проекта</i>	13
Введение в проблему	15
<i>Чубарьян О.С.</i> Место библиотек в продвижении научной и технической информации	15
<i>Чубарьян А.О.</i> Тайна долгой жизни идей моего отца	24
<i>Афанасьев М.Д.</i> Историческая наука и библиотеки: грани соприкосновения	29
<i>Черный Ю.Ю.</i> Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде	43
<i>Соколов А.В.</i> Документосфера как пространство синтеза музея, библиотеки, архива	67
<i>Воронцова Е.А.</i> Информационное обеспечение исторической науки и музеев — библиотеки — архивы как хранилища информации: теория, методология, практика	87
Библиотека в информационной инфраструктуре исторической науки	94
<i>Виноградов В.А.</i> Роль научной информации в развитии исследований советских историков	94
<i>Мамонтов М.А.</i> Информационные ресурсы современной России по истории: состояние, перспективы развития	104
<i>Пронина Л.А., Канищев В.В.</i> Библиотека как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки	120
<i>Соколова Н.Ю.</i> Библиотека как необходимое условие исследовательской деятельности ученого: концепция Д.Б. Рязанова в контексте исследований феномена институтов социальной памяти	127
<i>Люттов С.Н.</i> Реорганизация военно-библиотечного дела и проблемы информационного обеспечения исторической науки	134
<i>Третьяков А.Л.</i> Информационное обеспечение истории педагогики: к постановке проблемы	140
Библиотечное собрание как информационный ресурс исторической науки	148
<i>Сидорова Л.А.</i> Личные книжные собрания в исследовательской деятельности отечественных историков XX в.: традиции и современность	148
<i>Панеях А.В.</i> Личные книжные коллекции ученых в собрании Научной библиотеки Государственного музея истории религии как информационный ресурс для исследований в области истории	160
<i>Именнова Л.С.</i> Библиотека как часть музейного собрания в информационном обеспечении исторической науки	169
<i>Дергачева-Скоп Е.И., Бородихин А.Ю.</i> Археографические экспедиции Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН: их роль и значение в формировании источниковой базы гуманитарных исследований	182
<i>Левнер М.В.</i> Фонд редких изданий Централизованной библиотечной системы Библиотеки по естественным наукам РАН как информационный ресурс для исследований по истории науки	198
<i>Маркова Т.Б.</i> Фонд кабинета библиотековедения Библиотеки Российской академии наук как информационный ресурс исторической науки	204
<i>Печенин И.В.</i> Комплектование Государственной публичной исторической библиотеки России: проблемы и решения	211

Технологии извлечения информации	218
<i>Воронцова Е.А.</i> О социальной информации, ее источниках и технологиях извлечения в библиотечном деле и историческом исследовании	218
<i>Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.</i> Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов	227
<i>Шилов Д.Н.</i> Верификация данных в современных биографических словарях (к постановке проблемы)	235
<i>Мандригина Л.А.</i> Деятельность ГПНТБ СО РАН по информационному сопровождению исследований по истории печати и книги: базы данных собственной генерации Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН	244
<i>Рябова В.И.</i> Публикации российских ученых в редких сериальных изданиях из собрания Библиотеки по естественным наукам (БЕН) РАН как источник информации по истории науки	253
<i>Судовиков М.С., Рафиков А.М.</i> Научно-исследовательский Центр регионоведения Кировской области как информационно-библиотечный проект	266
<i>Андреева А.Н.</i> Интерактивное оглавление к адресным и справочным книгам «Весь Петербург (Весь Петроград)» (1894–1917) как пример представления исторического источника на сайте Российской национальной библиотеки	273
Информационно-коммуникационные технологии для исторической науки и библиотеки	282
<i>Валетов Т.Я.</i> Электронные библиотеки для исторической науки и образования: современное состояние и перспективы	282
<i>Грузнова Е.Б.</i> Деятельность Президентской библиотеки по информационному обеспечению исторической науки, образования и просвещения в электронной среде	293
<i>Злобин Е.В.</i> Электронные библиотеки и электронные книги как феномен цифровой эпохи	303
<i>Матвеева Е.Ю.</i> Библиографическая база данных по истории, археологии и этнологии автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АЙСОН) ИНИОН РАН	309
<i>Сабельникова И.Л., Кузьмина О.В.</i> Создание библиотеками проблемно-ориентированных библиографических баз данных как ресурсного компонента информационной инфраструктуры исторической науки	329
<i>Бусыгина Т.В., Рыкова В.В.</i> Ресурсы собственной генерации Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН для информационного сопровождения исторической науки в Сибири и на Дальнем Востоке	338
<i>Паклин А.Г.</i> Сервисы электронной доставки документов (ЭДД) и межбиблиотечного абонемена (МБА) Государственной публичной исторической библиотеки России в помощь исследователю-историку	351
Репрезентация информационного потенциала библиотек	361
<i>Раздорский А.И.</i> Деятельность группы исторической библиографии Российской национальной библиотеки в сфере информационного обеспечения исторической науки	361
<i>Горбунова Е.А.</i> К вопросу о роли библиотеки в создании информационных ресурсов (на примере деятельности информационного комплекса «Научная библиотека РГГУ»)	386
<i>Сидоренко Н.А.</i> Современные тенденции развития справочно-библиографической литературы по отечественной истории	393

<i>Колесникова М.Е.</i> Краеведческая библиография в информационном обеспечении исторической науки	406
<i>Морозова В.В.</i> Карамзинская общественная библиотека: информационный потенциал мемориальной экспозиции Ульяновской областной научной библиотеки	422
<i>Струкова Е.Н.</i> Введение в научный оборот новых комплексов исторических источников из фонда Центра социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России	429
<i>Слива А.И.</i> Книжные выставки Института научной информации по общественным наукам РАН	436
Коммуникация научного и библиотечного сообществ: взаимосвязи и взаимоотторжения	443
<i>Виноградов В.А.</i> Роль научной информации в развитии наук об обществе и человеке: итоги и перспективы деятельности ИНИОН РАН	443
<i>Цибизова И.М.</i> Некоторые аспекты коэволюции взаимоотношений историка и библиотеки	461
<i>Соколова Т.В.</i> Читальные залы национальной библиотеки в системе библиокоммуникации	469
<i>Бекжанова Н.В., Омельченко Д.М.</i> Библиотечное дело в практике социалистического строительства в СССР в 1930-е гг. (1-е Всесоюзное совещание по систематическому каталогу)	481
<i>Корниенко С.И., Поврозник Н.Г., Гагарина Д.А., Харисова А.Р.</i> Университет и библиотека: сотрудничество в области сохранения и изучения губернской периодики	500
<i>Неминов В.М.</i> Востоковед и книга: размышления о судьбах библиотеки в информационном поле культуры XXI в.	515
<i>Сукиасян Э.Р.</i> История и историческая наука в жизни библиотекаря	525
<i>Рашковский Е.Б.</i> Библиотекарь в истории: из воспоминаний о Екатерине Гениевой ..	542
<i>Гальперина И.Г., Горшкова Н.В.</i> Библиотечное дело в мемуарной литературе (1917–2000)	551
Библиотеки и историческая наука в ретроспективном контексте	557
<i>Суриков И.Е.</i> Как небрежение библиотеками приводит к их забвению на века: сложная судьба библиотеки Аристотеля — Феофраста и последствия ее временной утраты для античной исторической науки	557
<i>Сидоров А.И.</i> Общая организация каролингских библиотек и труды по истории	567
<i>Бобкова М.С.</i> Трактаты об истории и библиофильские практики раннего Нового времени	574
<i>Леонов В.П.</i> Петр I и Библиотека Академии наук: формирование центра информационного обеспечения науки в России	584
<i>Минаков С.Т.</i> Реконструкция библиотеки А.В. Суворова как информационного ресурса для изучения формирования мировоззрения полководца	600
<i>Фролова М.М.</i> Информационное поле книжных коллекций (на примере Чертковской библиотеки)	621
<i>Терюкова Е.А., Чумакова Т.В.</i> Библиотека Императорского Православного Палестинского Общества из собрания Научной библиотеки Государственного музея истории религии и отечественное палестиноведение	640
<i>Сукиасян Э.Р.</i> Долг памяти. К 70-летию Совещания по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии (Москва, 16–27 декабря 1936 г.)	651
Сведения об авторах	667

CONTENT

<i>From author of project</i>	13
<i>Introduction to the problem.</i>	15
<i>Chubaryan O.S.</i> Place of libraries in the provision of scientific and technical information	15
<i>Chubaryan A.O.</i> Secret of long life the ideas of my father	24
<i>Afanasiev M.D.</i> Historical science and the library: faces of contact	29
<i>Chernyy Yu.Yu.</i> Archives, Libraries, Museums in the Global Information Environment	43
<i>Sokolov A.V.</i> Documentosphere as a space of museum, library, archive synthesis	67
<i>Vorontsova E.A.</i> Information support of historical science and museums – libraries – archives as repositories of information: theory, methodology, practice	87
<i>A Library in information infrastructure of historical science</i>	94
<i>Vinogradov V.A.</i> Role of scientific information in development of research of Soviet historians	94
<i>Mamontov M.A.</i> Information resources of contemporary Russia on history: their condition and prospects for development	104
<i>Pronina L.A., Kanishchev V.V.</i> Library as a basic element of information infrastructure of historical science	120
<i>Sokolova N.Yu.</i> Library as a prerequisite for scientific research: concept of D.B Ryazanov in the context of studies of the phenomenon of social memory institutions	127
<i>Lyutov S.N.</i> Reorganization of military librarianship and issues of historical science information support	134
<i>Tretyakov A.L.</i> Information support for history of pedagogy: problem statement	140
<i>A Library collection as an information resource of historical science</i>	148
<i>Sidorova L.A.</i> Personal Book Collections in Research Activities of Russian Historians of the XX c.: Traditions and Present	148
<i>Paneyah A.V.</i> Private book collections of scientists in the collection of Scientific Library of State Museum of History of Religion as an information resource for research in history	160
<i>Imennova L.S.</i> Library as a part of museum collection within information support of historical science	169
<i>Dergacheva-Skop E.I., Borodikhin A.Yu.</i> Archeographical expeditions of State Public Scientific Technological Library of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences: their role and importance in creation of source base for humanitarian research	182
<i>Levner M.V.</i> Fund of Rare Editions of Centralized Library System of Library for Natural Sciences RAS as Information Resource for Research on History of Science	198
<i>Markova T.B.</i> Fund of Cabinet of librarianship of Library of RAS as information resource for historical science	204
<i>Pechenin I.V.</i> Acquisition of State public historical library of Russia: problems and solutions	211

<i>Technologies of extracting information from Library objects and collections</i>	218
<i>Vorontsova E.A.</i> Social information, its sources and retrieval technologies in librarianship and in historical research	218
<i>Kazakov R.B., Malovichko S.I., Rumyantseva M.F.</i> Classification of historiographical sources: experience mapping bibliographic and source study approaches	227
<i>Shilov D.N.</i> Verification of data in modern biographical dictionaries as a scientific problem	235
<i>Mandrinina L.A.</i> SPSTL SB RAS' activity on information support of studying print and book history: databases of the State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of RAS	244
<i>Ryabova V.I.</i> Publications of Russian scientists in rare serials from collection of the Library for natural sciences (LNS) RAS as a source of the information for history of science	253
<i>Sudovikov M.S., Rafikov A.M.</i> Research center for regional studies of Kirov oblast as information and library project	266
<i>Andreeva A.N.</i> Interactive index for directories and reference books «Ves' Peterburg (Ves' Petrograd)» (1894–1917) as an example of historical source presentation on the website of Russian National library	273
<i>Information and communication technologies for historical science and Library</i>	282
<i>Valetov T.Ya.</i> Digital libraries for historical research and education: its current state and perspectives	282
<i>Gruznova E.B.</i> Presidential library activities in information support to the historical science and education in the electronic environment	293
<i>Zlobin E.V.</i> E-libraries and e-books as a phenomenon of the digital age	303
<i>Matveeva E.Yu.</i> Bibliographic database on the history, archaeology and ethnology of Automated information system on social sciences INION RAS	309
<i>Sabelnikova I.L., Kuzmina O.V.</i> Creation of problem-oriented bibliographic databases by libraries as resource component of information infrastructure of historical science	329
<i>Busygina T.V., Rykova V.V.</i> Resources of State Public Scientific-Technological Library of Siberian Branch of RAS to support historical science in Siberia and the Far East	338
<i>Paklin A.G.</i> Services electronic document delivery (EDD) and interlibrary loan (ILL) State public historical library of Russia in assistance to the researcher-historian	351
<i>Representation of information potential of libraries</i>	361
<i>Razdorskiy A.I.</i> Activity of group of the historical bibliography national library of Russia in the sphere of information support of historical science	361
<i>Gorbunova E.A.</i> Regarding the role of libraries in creation of information resources (as exemplified by «Russian State Humanitarian University Scientific Library» Information complex)	386
<i>Sidorenko N.A.</i> Modern trends in progress of reference-bibliographic literature on Russian history	393
<i>Kolesnikova M.E.</i> Regional Bibliography in historical science information support	406

<i>Morozova V.V.</i> Karamzin Public Library: information potential of memorial exhibition at Ulyanovsk Region Scientific Library	422
<i>Strukova E.N.</i> Introduction to the field of scientific research the new sets of historical sources from collections of Center of Social and Political History of State Public Historical Library of Russia	429
<i>Sliva A.I.</i> Book exhibitions of Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences	436
<i>Communication of scientific and Library communities</i>	443
<i>Vinogradov V.A.</i> Role of scientific information in social sciences: results and prospects of INION RAS activities	443
<i>Tsibizova I.M.</i> Some aspects of coevolution of mutual relations between Historian and Library	461
<i>Sokolova T.V.</i> Reading rooms of the national library in the system of library communications	469
<i>Bekzhanova N.V., Omelchenko D.M.</i> Librarianship in practice of building of socialism in the USSR in the 1930s. (First All-Union conference on systematic catalog)	481
<i>Kornienko S.I., Povroznik N.G., Gagarina D.A., Kharissova A.R.</i> University and library: cooperation in the preservation and research of provincial periodicals	500
<i>Nemchinov V.M.</i> Orientalist and the Book: Reflections on Fate of Libraries in Information Field of 21 st Century	515
<i>Sukiasyan E.R.</i> History and historical science in the life of a librarian	525
<i>Rashkovsky E.B.</i> Librarian in history: from memoirs about Ekaterina Genieva	542
<i>Galperina I.G., Gorshkova N.V.</i> Librarianship in memoirs (1917–2000)	551
<i>Library and historical science in historical context</i>	557
<i>Surikov I.E.</i> How neglect of libraries leads to their oblivion for centuries: The complex fate of the library of Aristotle – Theophrastus and consequences of its temporary loss for ancient historical studies	557
<i>Sidorov A.I.</i> General organization of Carolingian libraries and works on the history	567
<i>Bobkova M.S.</i> Historical Treatises and Bibliophilic Practice in Western Europe Early Modern Times	574
<i>Leonov V.P.</i> Peter I and the Library of the Academy of Sciences: forming a center of information support of science in Russia	584
<i>Minakov S.T.</i> Reconstruction of A.V. Suvorov library as an information resource for the study of the formation of general outlook	600
<i>Frolova M.M.</i> Information field of private book and manuscript collections (on example of Chertkovsky library)	621
<i>Teryukova E.A., Chumakova T.V.</i> Russian Imperial Orthodox Palestine Society Library from Research Library of State Museum of History of Religion and Russian Palestine Studies	640
<i>Sukiasyan E.R.</i> Duty of memory. To the 70 anniversary of meeting on theoretical questions of librarianship and bibliography (Moscow, on december 16–27 1936)	651
<i>About the authors</i>	667

ОТ АВТОРА ПРОЕКТА

Серия из трех сборников «Музеи — библиотеки — архивы в информационном обеспечении исторической науки» задумана с целью описать проблему информационного обеспечения исторической науки в таком ее преломлении, как основные информационные ресурсы — хранилища исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов.

Структура сборников единообразна, что делает возможным сравнительный анализ этих хранилищ и, очевидно, откроет новые горизонты их использования в интересах науки, но вариации допустимы.

Первым в каждом из сборников идет раздел «Введение в проблему», а далее музеи — библиотеки — архивы рассматриваются следующим образом:

- их место в информационной инфраструктуре исторической науки;
- их собрания, фонды как информационный ресурс этой науки;
- технологии извлечения информации из музейных предметов — изданий — документов и их коллекций;
- информационно-коммуникационные технологии для исторической науки и музеев — библиотек — архивов;
- репрезентация их информационного потенциала;
- коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации.

Сборник «Библиотеки в информационном обеспечении исторической науки» выстроен в соответствии с общим принципом, но с одним важным дополнением — разделом «Библиотеки и историческая наука в ретроспективном контексте», в котором собраны статьи по истории информационного обеспечения этой науки.

Как и первый сборник серии, он в полном смысле слова является междисциплинарным. Наряду с историками и библиотковедами в числе его авторов — философы, филологи, культурологи, экономисты, представители технических наук, специалисты в области информатики и информационных технологий. Закономерно представительство Библиотеки по естественным наукам РАН, где не только активно разрабатывалась проблема информационного обеспечения науки, но и была создана уникальная система, объединившая в единый информационный ресурс фонды нескольких десятков научных библиотек, где более 30 лет действует специальный семинар.

Роль камертона в сборнике играют статьи акад. А.О. Чубарьяна, О.С. Чубарьяна, акад. В.А. Виноградова.

Наиболее восприимчивыми к проблеме информационного обеспечения исторической науки оказались специалисты в области истории исторического знания (представительная группа статей сотрудников Института всеобщей истории и др.), истории библиотек, локальной истории, исторической информатики, библиографии и исторической библиографии, библиотечно-библиографической классификации.

Проблема оказалась интересной для сотрудников ряда ведущих библиотек России: Российской национальной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Библиотеки Российской академии наук, Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН, Российской государственной библиотеки, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина, Кировской областной универсальной научной библиотеки им. А.И. Герцена, Самарской областной универсальной научной библиотеки, Тамбовской областной универсальной научной библиотеки, научных библиотек Российского государственного гуманитарного университета и Музея истории религий.

Среди авторов (их более 60):

– известные и молодые ученые (академики РАН, 21 доктор и 30 кандидатов наук, аспиранты и магистранты);

– сотрудники библиотек (32 сотрудника);

– представители институтов системы РАН (Институт всеобщей истории, Институт научной информации по общественным наукам, Институт российской истории, Институт славяноведения, Институт востоковедения, Институт мировой экономики и международных отношений);

– представители вузовской науки (около 20 человек из 11 вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского, Новосибирского, Орловского, Пермского, Тамбовского университетов, НИУ «Высшая школа экономики», Северо-Кавказского федерального университета, Российской международной академии туризма, Государственного гуманитарно-технологического университета, Санкт-Петербургского государственного института культуры).

Это – исследователи из 11 городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова, Новосибирска, Орла, Перми, Самары, Ставрополя, Ульяновска, Тамбова, г. Химки и Орехово-Зуево Московской обл.).

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

УДК 02(47+57)

О.С. Чубарьян, O.S. Chubaryan

МЕСТО БИБЛИОТЕК В ПРОДВИЖЕНИИ НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

Place of libraries in the provision of scientific and technical information

Аннотация: статья написана О.С. Чубарьяном для специального номера о библиотеках СССР (журнал «Library world», London; 1968. Vol. 69, № 815) почти 50 лет тому назад, однако она по-прежнему актуальна. В ней анализируется решение проблемы «библиотека и информация» в СССР: место библиотек в информационной деятельности, практика удовлетворения ими потребностей науки и производства в информации, сеть и типы научных библиотек, методы обеспечения информацией (выставки, залы новых поступлений, текущая библиографическая информация), опыт государственного библиографического учета. Поставлена проблема автоматизации библиографического поиска.

Abstract: the article was written by O.S. Chubaryan for a special issue on libraries of the USSR («Library world», London; 1968. Vol. 69, № 815) almost 50 years ago, however, it is still relevant. It examines the solution to the problem of “The library and information” in the USSR: the place of libraries in information activities, satisfaction of information needs of science and industry, network and types of academic libraries, methods of providing information (exhibition, halls of new acquisitions, current bibliographic information), the experience of state bibliographic control. Posed the problem of automating bibliographic search.

Ключевые слова: библиотековедение, библиотечно-библиографическая сфера, информационно-документационная сфера, информационная деятельность, фактографическая информация, библиотечно-библиографическая информация, потребитель информации — читатель, сеть библиотек, типы библиотек, информационно-поисковый язык.

Keywords: librarianship, library-bibliographic sphere, information and documentation sphere, information activities, factographic information, bibliographic information, information user — reader, network of libraries, types of libraries, information retrieval language.

Автор публикуемой статьи Оган Степанович Чубарьян (1908—1976) — выдающийся библиотечный деятель, библиотековед, доктор педагогических наук, профессор, автор более 100 книг и статей, в том числе учебника «Общее библиотековедение» [Чубарьян, 1960; 1979; 1985, и др.; о нем см.: Творчество как формула

¹ В переводе на русский язык статья публикуется впервые. Редакция перевода, комментарии (даны по тексту в круглых скобках) — *Э.Р. Сукиасян*.

жизни, 2008], многие годы вел научную и преподавательскую работу, с 1963 г. работал в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в 1969–1972 гг. исполнял обязанности директора.

Статья, написанная им для специального номера журнала «Library world» (London), посвященного библиотекам СССР (1968. Vol. 69, № 815), очень интересна для современного читателя. Мы имели в конце 1960-х гг. самую большую, распределенную по всей территории огромной страны, хорошо организованную систему библиотек, обеспеченную квалифицированными кадрами.

По типологии, принятой О.С. Чубарьяном, все библиотеки делились на: а) универсальные (он говорит в статье о центральных региональных, но не упоминает об огромной сети массовых библиотек) и б) научные и отраслевые. Систему библиотек учебных заведений, в том числе школьных, Оган Степанович рассматривал отдельно. Научные — это библиотеки АН СССР, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро министерств и ведомств. Отраслевые (в этой группе самые большие сети образовывали технические, медицинские и сельскохозяйственные) библиотеки имели двойное методическое руководство: у всех была своя центральная отраслевая библиотека, а в регионе — центральная региональная.

Как часы работала система комплектования библиотек, в том числе распределения валютных ассигнований. Свои задачи хорошо выполнял внутрисоюзный и международный книгообмен. Была создана лучшая в мире система государственной библиографии и статистики печати. Обязательный экземпляр (в формах бесплатного и платного, ведомственного и регионального) был гарантом формирования качественных фондов. Система карточных каталогов и библиографических карточек обеспечивала релевантный поиск в фондах библиотек, а система сводных каталогов давала информацию о составе фондов по стране в целом. Четко работала система межбиблиотечного и международного абонементов.

Во главе библиотек страны стояла ГБЛ. А ее научный руководитель — Оган Степанович Чубарьян — пользовался непререкаемым авторитетом не только в стране, но и во всем библиотечном мире.

Э.Р. Сукиасян

Проблема «Библиотека и информация», от решения которой зависит степень использования фонда мировой литературы учеными и специалистами, стала особенно актуальной. Участники дискуссии уже в течение нескольких лет высказывают различные взгляды на место современной библиотеки в системе научной и технической информации.

В СССР библиотеки, особенно научные и отраслевые, которых насчитывается более 50 тысяч (статистические данные в статье приведены на 1968 г. — Э.С.), рассматриваются в качестве составной части единой системы научно-технической информации. В тесной связи с отраслевыми информационными структурами (институтами, отделами, бюро) они решают общую проблему наиболее полного и эффективного использования новейших научно-технических достижений и передового опыта в интересах развития науки и совершенствования производства.

Однако это не означает, что различия между библиотеками и информационными органами исчезнут и что библиотеки прекратят функцио-

нирывать как независимые организации. Мы не разделяем радикальные взгляды американских специалистов (например, Дж. Ширы) о том, что информационные органы полностью поглотят «бывшие» библиотеки (Джесси Ширы, Jesse Shera, 1903–1982, специалист в области библиотечной и информационной науки; его монография переведена и издана в СССР [Ширы, 1983]. — Э.С.). Сторонники таких взглядов забывают, что библиотечно-библиографическая и информационно-документационная сферы совпадают только частично. Помимо проведения информационной работы и реализации целей общего культурного образования библиотеки занимают определенное место в системе информационной деятельности.

В советском библиотековедении считается, что существуют два вида научной и технической информации: фактографическая и библиотечно-библиографическая информация. Фактографическая информация (этот термин получает все более широкое применение в науке и специальной литературе) — это информация в виде конкретных фактических материалов, взятых из печатных или документальных источников в итоге их аналитико-синтетической переработки. Она предназначена для удовлетворения конкретных профессиональных потребностей специалистов. Фактографическая информация обычно сводится к изложению результатов, вместо источника дается сокращенный перевод, итоговый реферат, резюме, содержащие краткое описание исследования и его практические результаты.

Библиотечно-библиографическая информация призвана ориентировать ученых и специалистов в мировом фонде литературы и помочь использовать его в максимально возможной степени. Предметом такой информации является сама литература, ее распространение происходит по мере того, как она отражается в научной литературе. Несмотря на все попытки признать важность печатных материалов, они представляют собой основной источник информации. Поэтому библиотечно-библиографические методы не устаревают, а приобретают все большее и большее значение с ростом объемов печатной продукции. Библиотечно-библиографическая информация ориентирована на удовлетворение потребностей широкого круга ученых и специалистов путем применения своих собственных методов библиографического описания и систематизации источников. В этой связи необходимо видеть различие между потребителями информации и читателями библиотек, которые по-разному используют документные ресурсы. Их потребности находят отображение в формах, методах и организации информационного обслуживания.

Разделение функций, определяемое различием между фактографической и библиографической информацией, не предполагает, что между библиотеками и информационными органами имеют место антагонистические противоречия. Напротив, те и другие тесно связаны друг с другом, являются звеньями единой информационной системы. Результаты их дея-

тельности (например, библиографические и реферативные или фактографические пособия) используются взаимно.

Говоря о различиях между этими учреждениями, мы имеем в виду функции их деятельности и разделение сфер ответственности. Единство обеспечивается за счет не поглощения учреждений одного типа учреждениями другого, а сотрудничества и координации их работы, взаимного обмена материалами. С развитием информационной деятельности, помимо сохраняющегося обслуживания читателей, библиотеки призваны удовлетворять потребности в информации путем ее размещения в библиотечных и библиографических пособиях для последующей аналитико-синтетической обработки. Советская практика удовлетворения информационных потребностей науки и производства на основе организации фондов, собранных и обработанных в основном в библиотеках, при которой исключается дублирование в накоплении источников информации, полностью доказала свою ценность. Она стала основой для тесного взаимодействия отраслевых информационных органов и библиотек.

Следует подчеркнуть еще одну функцию библиотек как части современной информационной системы. Отраслевые информационные органы публикуют на основе аналитико-синтетической обработки реферативные периодические издания, обзоры, описания исследований и рационализаторских предложений и др. материалы. Поток таких изданий постоянно растет, что привело к появлению проблемы организации использования этих материалов. Советский опыт доказал: эту проблему можно решить с помощью сети научных и отраслевых библиотек. Библиотеки этой сети становятся основным каналом для приближения информационных изданий к предприятиям, научно-исследовательским институтам, ведомствам, непосредственно к ученым и специалистам.

В современных условиях, когда повседневно растет значение информации, требуют совершенствования библиотечные и библиографические методы информационного обслуживания в работе отраслевых библиотек. Нельзя не признать, что почти во всех странах библиотекам не удалось идти в ногу с растущими потребностями ученых и специалистов. Этот факт порой приводит к ошибочным выводам. Например, в профессиональной печати некоторых стран публиковались статьи, в которых делались выводы: традиционные методы библиотечно-библиографической практики устарели, библиотеки не могут удовлетворить информационные потребности науки и производства на уровне современных требований. Вспомним, что в теории информации все началось с изучения этих методов весьма механическим способом. В советском библиотековедении никто, однако, не признавал, что недостатки библиотечных методов библиографического и информационного обслуживания означают кризис библиотеки. Мы видим в любой критике задачу повышения уровня деятельности научных

и отраслевых библиотек с целью обеспечения полного и рационального использования мировых ресурсов как источника научной и технической информации.

Библиотечно-библиографические методы информирования ученых и специалистов выдержали испытание временем и составляют в настоящее время основу разносторонней деятельности, осуществляемой в учебных и отраслевых библиотеках. В современных условиях сохраняется задача дальнейшего совершенствования этих методов на основе обобщения опыта. Каковы пути решения этой задачи? Какие проблемы библиотечной работы возникли в этой связи?

Прежде всего, возникла проблема научного обоснования библиотечно-библиографического обслуживания науки и производства. Поскольку раньше многие проблемы решались без соответствующих научных обоснований, советские специалисты изучали потребности ученых и специалистов, возможности использования мировой литературы с помощью социологических методов. В этом направлении пока были сделаны лишь первые шаги. Собранный материал анализируется. Анкету заполнили 13 000 ученых и специалистов. Стало ясно, что исследование позволит наметить перспективы развития научных и отраслевых библиотек, совершенствования библиотечно-библиографических методов продвижения информации (в декабре 1964 г. было принято решение приступить к изучению проблемы «Библиотека и научная информация». В этой работе под руководством О.С. Чубарьяна принимал участие большой коллектив сотрудников многих библиотек страны. Разработка программы и методов сбора и обработки необходимых данных проводилась совместно с опытными социологами и математиками. За 1965—1971 гг. опубликовано 22 сборника материалов, а выводы представлены в итоговой монографии [Специалист — библиотека — библиография, 1971]. — Э.С.).

Другой проблемой является дифференцирование библиотечно-библиографического обслуживания науки и производства, ученых и специалистов. В советском библиотековедении основной тенденцией в библиотечно-библиографическом обслуживании специалистов является отраслевая специализация. Из этого вовсе не следует, что уменьшается роль универсальных научных библиотек, что их функции, как пишут некоторые зарубежные специалисты, могут выполнять отраслевые библиотеки. Проведенный опрос показал, что подавляющее число ученых и специалистов пользуются двумя или тремя библиотеками. Использование нескольких библиотек объясняется широтой и разнообразием библиотечно-библиографических потребностей. Они не могут быть удовлетворены только библиотеками одного типа.

Для обеспечения разносторонних потребностей ученых и специалистов в стране функционируют библиотеки двух типов: универсальные на-

учные и отраслевые научные. Каждый из этих типов библиотек выполняет свои задачи.

Универсальные научные библиотеки являются крупнейшими библиотечными учреждениями государственного значения. Они предназначены для широких кругов читателей и размещаются в стране по территориальному признаку, образуя сеть общегосударственных библиотек, центральных библиотек в республиках, краях и областях. С точки зрения содержания их информационная работа строится на основе обязательного экземпляра. Бесплатный обязательный экземпляр поступает в общегосударственные библиотеки страны и является базой их библиографической деятельности. Региональные универсальные научные библиотеки централизованно обеспечиваются платным обязательным экземпляром (система платного обязательного экземпляра была введена в СССР в 1932 г., получением изданий и их распределением по сети библиотек страны занимался Центральный коллектор научных библиотек. — Э.С.). На этой основе универсальные научные библиотеки обеспечивают ученых и специалистов библиографической информацией межотраслевого, полидисциплинарного характера. Обнаруживаются межотраслевые связи, вскрываются закономерности взаимопроникновения наук и технологий. Кроме того, универсальные научные библиотеки комплектуются малотиражной литературой, которая не поступает в научные и отраслевые библиотеки. Важно также, что в фондах универсальных научных библиотек собираются значительные коллекции зарубежной литературы, которой, как правило, нет в отраслевых библиотеках.

Отраслевые и научные библиотеки, в отличие от универсальных, предназначены для удовлетворения конкретных библиотечных и библиографических запросов, связанных с профессиональной практической деятельностью их читателей. Эти библиотеки тесно связаны с предприятиями, научными учреждениями, конструкторскими бюро, их деятельность ориентирована на планы и подчинена решению задач тех организаций, при которых они функционируют. Значительную часть этой сети составляют технические библиотеки предприятий, обслуживающие как инженерно-технический персонал, так и квалифицированных рабочих.

Советский опыт доказал необходимость дифференцированного библиотечно-библиографического информационного обслуживания ученых и специалистов. Однако дифференциация научных и отраслевых библиотек не означает, что они осуществляют свою деятельность изолированно друг от друга. Невозможно представить библиотеку, которая могла бы удовлетворить собственными ресурсами все потребности науки и производства — даже в том случае, если она постоянно пополняет свои коллекции. В современных условиях проблема формирования единой системы библиотечно-библиографического обслуживания ученых и специалистов стала особенно острой. На практике единство системы информации

библиотечно-библиографического обслуживания предполагает: четкое распределение функций между научными и отраслевыми библиотеками региона или отраслевой сети библиотек; сотрудничество и координацию комплектования библиотечных фондов в целях устранения параллелизма, хаотического накопления литературы без понимания перспективы ее рационального использования; организацию на национальном уровне широкого взаимоиспользования библиотечных ресурсов (фонды, библиографические ресурсы и т.п.); кооперацию деятельности библиотек по созданию справочного и библиографического аппарата, подготовке изданий текущей и ретроспективной библиографии.

Особое значение приобретает деятельность депозитарных библиотек. В СССР они не рассматриваются как собрания литературы, потерявшей актуальность. У нас депозитарная библиотека является центральным звеном в системе библиотечно-библиографического обслуживания науки и производства. Фонды большинства отраслевых и научных библиотек (в особенности тех, которые функционируют в научно-исследовательских учреждениях и на предприятиях) рассматриваются как коллекции оперативного назначения, содержащие актуальную литературу. Здесь нет необходимости держать публикации за многие годы, устаревшие по содержанию, редко спрашиваемые. В соответствии с единым планом комплектования некоторые издания собираются в центральных отраслевых или универсальных библиотеках, где они становятся доступными для общего пользования. Таким образом, функция депозитарного хранения реализуется в процессе комплектования фондов.

Текущая библиографическая информация — основной метод удовлетворения запросов ученых и специалистов, база информационной деятельности научных и отраслевых библиотек. Эта концепция предполагает создание отраслевых библиографических пособий, ориентированных на оперативное информирование о мировой литературе. Современные методы обеспечения информацией науки и производства базируются на основе рациональной системы текущих библиографических информационных изданий. Комплектование библиотечных фондов (в особенности контроль за полнотой отбора), создание справочного аппарата (каталогов, библиографических картотек), весь процесс удовлетворения информационных, справочных и библиографических запросов ученых напрямую зависят от состояния этой системы. Поэтому библиотеки проявляют живой интерес к ее проблемам. Участие в подготовке изданий текущей библиографической информации, как и последующее их максимальное использование в обслуживании читателей, является одной из основных задач научных и отраслевых библиотек.

Отечественный опыт государственного библиографического учета заслуживает внимания. Такие издания, как «Книжная летопись», «Летопись

журнальных статей», другие издания государственной библиографии, позволяют предоставить полную информацию обо всей печатной продукции СССР и составляют основу централизованной каталогизации для научных и отраслевых библиотек. С 1953 г. в стране начато издание «Реферативного журнала» (в 1967 г. он издавался в 162 сериях). Многие центральные научные и отраслевые библиотеки публикуют библиографические списки и бюллетени, содержащие важную информацию о мировой литературе. Сводные каталоги (традиционные указатели ретроспективного характера) не рассматриваются сейчас библиотековедами как форма текущей информации — они выполняют иные функции, превращаются в периодические отраслевые издания кумулятивного характера.

Параллельно с развитием справочной и библиографической деятельности в последние десятилетия библиотеки обогатились новым опытом, новыми методами обеспечения информацией ученых и специалистов. Приведем несколько примеров.

Научные и отраслевые библиотеки ввели в практику такой новый прогрессивный метод информирования, как постоянные выставки отечественной и зарубежной литературы для читателей. Многие библиотеки создали для этого специальные читальные залы. Вряд ли можно переоценить значение этого новшества (выставки, а позже и постоянно функционирующие в библиотеках читальные залы новых поступлений, как форма информационного обслуживания ученых и специалистов появились в 1960-х гг. и в течение десятилетия стали нормой библиотечной практики. — Э.С.). Его реализация приблизила к читателям фонды библиотек, сделала возможным оперативное информирование. Читатели узнавали о новых публикациях раньше появления информации в библиографических указателях.

Еще одним способом массового информирования читателей стали обзоры текущей специальной литературы. Многие библиотеки организовали для этой работы группы компетентных читателей. Им в первую очередь предоставлялись новые поступления — для анализа. Библиотечные обзоры оказались эффективной формой массового информирования о новой производственной литературе (по различным направлениям техники, медицины, сельскохозяйственного производства). Библиотеки стали публиковать сборники обзоров по отдельным актуальным вопросам.

Новые методы информационной работы библиотек, сложившиеся в их практической работе, выдержали испытание временем и сейчас доказывают свою эффективность.

Приходится соглашаться с тем, что мы встречаемся с серьезным отставанием уровня механизации и автоматизации библиотечных процессов. Первые шаги (часто пока еще экспериментальные) показали, что развитие библиотек, повышение уровня их информационной деятельности напрямую зависят от достижений в этих областях. Мы выступаем против выска-

зываемых иногда ультрамеханистических взглядов превращения библиотеки в машину. Механизация и автоматизация производственных процессов рассматриваются нами как вспомогательное средство совершенствования работы библиотек, повышающее качество и оперативность многих библиотечно-библиографических процессов.

Хотелось бы остановиться особо на проблемах автоматизации библиографического поиска и создании такой системы связей между библиотеками, которая позволила бы упростить взаимное использование их фондов.

Для решения проблем автоматизации библиографического поиска в стране мы приступили к исследованиям, рассчитанным на длительный период (О.С. Чубарьян имеет в виду развернувшиеся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина во второй половине 1960-х гг. проектно-конструкторские работы группы под руководством В.Ю. Невраева, целью которых была автоматизированная подготовка печатных машинных каталогов на основе ввода кодированной библиографической информации в ЭВМ; система была разработана специалистами этой библиотеки, прошла экспериментальную проверку и доказала свою эффективность; в 1974 г. работы прекращены. — Э.С.). Не выдвигая на первом этапе новых конструктивных предложений, мы изучаем возможности использования современных электронных вычислительных машин в библиографической деятельности, прежде всего для подготовки и издания печатных каталогов на основе машинной обработки. Подготовленные таким образом печатные каталоги позволят решить вопросы координации справочной и библиографической работы. Мы столкнулись с проблемами создания информационно-поискового языка, разработки принципов кодирования при автоматизированной обработке новых поступлений, с необходимостью выяснения особенностей автоматизированного поиска и выдачи библиографических справок.

Разработанная два года назад система оперативной связи должна была решить задачи передачи запросов и списков литературы между Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина и Всесоюзной библиотекой иностранной литературы (ВГБИЛ), недавно переехавшей в новое великолепное здание в прекрасном районе Москвы, на пересечении рек Москва и Яуза. Четыре века назад здесь проходила граница древнего Белого города. ВГБИЛ, основанная более 45 лет назад, еще недавно обслуживавшая ограниченное число читателей, превратилась в главный депозитарий иностранной литературы в СССР, уникальное в мировой практике учреждение культуры. Ее работа разнообразна, охватывает не только традиционные сферы библиотечной и библиографической работы (в том числе справочной и информационной), но и область образования, распространения мировой прогрессивной культуры. Библиотека ведет справочно-библиографическое обслуживание по зарубежной литературе для всех библиотек страны,

работает как центр межбиблиотечного и международного абонемента. Мы предполагаем, что с ее появлением будет радикально преобразована работа с фондами литературы на иностранных языках, рационально решены вопросы координации комплектования зарубежной литературой.

Мы сделали попытку представить в наиболее общем виде советский опыт организации библиотечно-библиографического обслуживания ученых и специалистов. Взаимный обмен опытом является важной предпосылкой для успешного решения многих проблем современной библиотечной практики, в том числе для повышения роли и значения библиотек в обеспечении информацией науки и производства.

Библиография

Специалист – библиотека – библиография: опыт исследования профессиональных потребностей в информации. М.: Книга, 1971. 446 с.

Творчество как формула жизни. Страницы биографии О.С. Чубарьяна / [сост., организатор проекта Л.М. Инькова]; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2008. 375 с.

Чубарьян О.С. Общее библиотековедение: Учебник для библиотечных ин-тов. 1-е изд., М.: Советская Россия, 1960. 202 с.

Чубарьян О.С. Человек и книга: Социал. пробл. Чтения. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. 124 с.

Чубарьян, О.С. Проблемы теории и практики библиотечного дела в СССР: избр. тр. М.: Книга, 1979. 264 с.

Шира Дж. Введение в библиотековедение = Introduction to Library Science: основные элементы библиотечного обслуживания / Пер. В.В. Скворцов, Э.Г. Азгальдов. М.: Высшая школа, 1983. 256 с.

УДК 02(47+57)

А.О. Чубарьян, А.О. Chubaryan

ТАЙНА ДОЛГОЙ ЖИЗНИ ИДЕЙ МОЕГО ОТЦА

Secret of long life the ideas of my father

Аннотация: тайна долгой жизни идей О.С. Чубарьяна во многом связана со сходством проблем, обсуждавшихся в 1960–1970-х гг. и в настоящее время. Его центральная идея состояла в том, что библиотека есть и будет оставаться важнейшей формой хранения и репрезентации информации и важнейшим средством ознакомления пользователей с книгой, а книга и чтение – это главное средство познания, выработки мировоззрения, воспитания, т.е. овладения культурой в широком смысле. Библиотека играет активную роль в формировании человека. Главная задача заключается в том, чтобы найти баланс между огромными достижениями в области информационных технологий и пониманием роли культуры.

Abstract: the secret of long life of ideas O. S. Chubaryan is largely connected with the similarity of the problems discussed in the 1960s-1970s and at present. His Central idea was that the library is and will remain the most important form of storage and representation of information and an important means of familiarization of users with the book, and the book and reading are the main means of knowledge production Outlook, upbringing, i.e. learning culture in a broad sense. The library plays an active role in the formation of man. The main challenge is to find the balance between the huge advances in information technology and understanding the role of culture.

Ключевые слова: библиотекосведение, историческая наука, информация, информационные технологии, библиотека, книги, чтение, познание, культура, дефицит образованности.

Keywords: librarianship, historical science, information, information technology, library, books, reading, knowledge, culture, lack of education.

Тайна долгой жизни идей моего отца во многом связана, мне кажется, со сходством проблем, обсуждавшихся в 1960—1970-х гг. и в наше время. Собственно, тогда и возникла точка зрения, распространенная до сих пор: об отмирании библиотек. В то время начали создаваться научно-информационные центры внутри библиотек, вокруг библиотек, и многие высказывали мнение, что с развитием информационных технологий необходимость в библиотеках отпадает. Центральная же идея моего отца, Огана Степановича Чубарьяна, состояла в том, что, напротив, библиотека есть и будет оставаться важнейшим средством ознакомления пользователей с книгой, а книга и чтение — это главное средство познания, выработки мировоззрения, воспитания, т.е. овладения культурой в широком смысле, которое в значительной степени проходит через книгу, печатные издания.

Прекрасно помню, что отец с самого начала этих дискуссий занял ясную, последовательную позицию, которую поддерживал концептуально и практически. Концептуальность состояла в том, что он считал библиотеки главным способом продвижения книги, а также выработки знания об обществе, о его принципах, истории, литературе, культуре в целом, так что роль библиотек в принципе не может подвергаться сомнению. Параллельно он реализовал эти идеи в работе, которую вел незадолго до своей кончины. В частности, он выпустил небольшое исследование, посвященное роли чтения в современном мире, — «Человек и книга: Социальные проблемы чтения» (М.: Наука, 1978). В Библиотеке им. В.И. Ленина была группа, которая занималась социологией чтения, возглавляла ее заведующая сектором книги и чтения научно-исследовательского отдела В.Д. Стельмах, и мой отец опирался на данные этой группы. Социология чтения включала в себя и массу опросов о том, какое место оно занимает в жизни людей. Мой отец полагал, что эта сторона проблемы (социологический аспект и вообще роль чтения) является одним из основных фактов, подтверждающих

его мысль относительно роли библиотек. Библиотеки, по его мнению, служили не просто книгохранилищем, хранилищем информации: он придавал очень большое значение *активной* роли библиотек в процессе культурной адаптации отдельных индивидов и их групп. Тема библиотек не выходила из его поля зрения. Он считал, что библиотека есть важнейшая форма хранения и репрезентации информации, которая идет по линии развития библиографии, информационных выпусков, информационного обеспечения, доведения книги до широких масс. Речь шла не просто о книгах и других печатных изданиях, а о (тогда это было модное слово, которое сейчас не любят) — *пропаганде* книги. Я знаю, что в эту работу было вовлечено Министерство культуры, помню большие совещания, которые проходили по данному вопросу. И это стало темой периодических встреч руководителей библиотечного дела Советского Союза. Тема фигурировала и как международная — на встречах в странах так называемого социалистического лагеря; отец выезжал туда довольно часто, имел широкие связи. Я и сам знал руководителей библиотечного дела ГДР, Болгарии, Польши. Он же имел связи с западными странами, инициировал создание и в 1969—1976 гг. был председателем Комиссии истории и теории библиотечного дела Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений. Насколько я помню, его идеи получали широкую поддержку. В результате идея отмирания библиотек надолго отпала и возродилась только в наши дни.

Почему? Во-первых, конечно, изменились информационные технологии, появился Интернет, который во многих случаях заменяет другие источники информации. Это нововведение изменило нашу жизнь, изменило облик нашей молодежи, сделало ее активным участником современной жизни, так что теперь трудно представить нашу жизнь без Интернета. А во-вторых, мы — да и весь мир — столкнулись с дефицитом образованности. Советские люди были самым читающим народом в мире. А сейчас мы видим в России распространение... малообразованных людей. Когда я возглавлял группу по преподаванию истории в школе, то столкнулся с этим. И сегодня сталкиваюсь — как сопредседатель комиссии по изменению курса обществознания в школе. Постоянно озвучивается вопрос: а зачем нам все это — библиотеки, русская литература? Зачем современному молодому человеку читать «Войну и мир»? Это же тяжело. Может быть, достаточно изучить сюжет, посмотреть экранизацию, прочитать краткое изложение книги в Интернете. Я слышал эти вопросы на многих обсуждениях. По мнению таких людей, Интернет может заменить и чтение, и исторические изыскания (исторические документы также можно смотреть в Интернете). Я знаю массу коллег, которые готовят научные труды, пользуясь только Интернетом. Бывает так, что исследователи ссылаются на архивные источники, хотя сами никогда не бывали в архивах. А ведь школьникам нужно прививать интерес к чтению не ради знания сюжетов, а для воспитания

эстетического вкуса, приобщения к культуре. Сейчас в нашей стране, да и в мире целом, дефицит на культурных людей. И тяга к культуре все еще велика. Вот недавно всех поразили очереди на выставку Серова, когда вдруг масса людей ринулась в очереди посмотреть «Девушку с персиками», хотя ее всегда можно видеть в Третьяковской галерее (на выставке «Валентин Серов. К 150-летию со дня рождения», проходившей 7 октября 2015 — 31 января 2016 в Москве, в Третьяковской галерее на Крымском Валу, были представлены 255 произведений мастера из 25 российских и 4 зарубежных музеев, а также из 9 частных коллекций. — *Прим. ред.*). Это неплохой признак. Но плохо, когда интерес идет не от желания приобщиться к культуре, а просто от моды.

Сегодня существует большая опасность: чтение перестало быть спутником жизни. Вновь возрождается вопрос: зачем нам библиотеки? Раньше же в библиотеки ходили не только для того, чтобы написать кандидатскую или докторскую диссертацию. Многие ходили, чтобы читать романы. Наше общество вновь стоит перед необходимостью выработки каких-то норм и принципов взаимосвязи информации и учреждений культуры — музеев, библиотек, архивов. Кстати, моя идея, которую наверняка поддержал бы мой отец, состоит в том, что надо в обязательную программу для школьников ввести, как это сделано уже во многих странах, обязательное посещение музеев, библиотек. Это должно быть частью внеурочной, но обязательной программы: раз в месяц сходить в музей и обязательно в библиотеку — подержать в руках книги, увидеть их. Это имело бы огромное воспитательное значение.

Отец стоял за активную роль библиотеки в формировании облика человека. А ведь Интернет — это не форма воспитания. Человек там сам выбирает, что смотреть. Если он недостаточно культурен, образован, то блуждание по Интернету ничего не даст ему. Потому найти баланс между огромными достижениями в области информационных технологий и пониманием роли культуры крайне важно. Иначе можно дойти до абсурда — не прочесть в жизни ни одной книги, ни разу не сходить в библиотеку, вообще не понимать, что такое библиотека. Конечно, в библиотеках полно макулатуры — и оставшейся от советского периода, и современной. Но недостатки не являются основанием для ликвидации основы.

Сейчас идут дискуссии вокруг школьного курса литературы. Опять царит вкусовщина. Но в том, что библиотека должна оставаться центром притяжения, центром распространения знания, воспитания, просвещения, что эта роль должна быть за библиотеками сохранена — в этом, как и во времена моего отца, нет сомнения. Когда культурные люди приезжают в Лондон, они считают для себя обязательным сходить в библиотеку Британского музея.

Думаю, надо возродить интерес к чтению. Недавно патриарх Кирилл, выступая за создание общества русской словесности, начал с того, что про-

цент читающего населения у нас снизился, Россия откатилась примерно на 30-е место по чтению. Особенно пугают цифры по уровню чтению среди молодежи. У многих моих знакомых дети ничего читают, а многие читают, только чтобы сдать ЕГЭ. Раньше библиотеки организовывали читательские конференции, выпускали рекомендательные списки чтения. Сейчас это перестало быть правилом. Это надо возрождать. Современная литература очень разнообразна и неоднородна по качеству. Как молодому поколению разобраться в ней?

Кстати, выбор мною профессии — во многом заслуга моего отца. Он понимал значение истории. Я окончил школу с золотой медалью и мог в то время поступить в любой вуз без экзаменов. Я собирался пойти в МГИМО, но накануне подачи документов вечером папа (а он был человеком очень гуманным, мягким и деликатным) сказал мне: а может, тебе все-таки подать документы не в МГИМО, а в Московский государственный университет? МГУ им. М.В. Ломоносова был тогда синонимом классического образования. Почти все ведущие историки России были оттуда: Ключевский, Грановский, Соловьев и др. Так что отец понимал значение истории и горячо поддерживал мой интерес к ней. Причем к разным ее аспектам. Отец был одним из основателей Клуба миниатюрной книги, собирал их, у меня хранится большая коллекция. Под его редакцией вышел каталог миниатюрной книги — тоже в миниатюрном издании. Я и после смерти папы ходил в Клуб, связан с этими людьми. Что интересно: папу интересовала концептуально-методологическая роль миниатюрной книги. В качестве источника информации ее роль довольно сомнительна, но в качестве стимула к чтению книг обычного формата миниатюрная книга имеет культурное значение. Мой отец опубликовал ряд статей по теоретическому обоснованию роли такой книги. Тогда это было актуально. Хрущев не хотел, чтобы его издавали в миниатюрном варианте, зато Брежнев издавали в миниатюрном варианте очень активно. Все, что было связано с книгой и культурой, было интересно моему отцу. Кроме миниатюрных книг, он собирал открытки и марки, но не любые, а только открытки и марки, посвященные деятелям культуры и книгам. Мой отец превосходно читал лекции, ярко, интересно. Но его роль была и в том, что он поддерживал, как сегодня бы мы сказали, демократический дух. Однажды в «Литературной газете» появилась статья, в которой его обвиняли в потворстве сионистам, перечислялись фамилии сотрудников, профессоров, которых он поддерживал. Его вызывали на заседание в горком. Прекрасно помню, как на кухне он это с мамой обсуждал. На 10 марта 1953 г. было назначено заседание по его персональному делу. Но после 5 марта позвонили и сказали, что заседание отложено. На том все и закончилось. Армия была в общем-то несовместима с его характером и складом ума. Отец прошел войну, но после ранения он остался в Гатчине, где преподавал тактику в высшем военном училище.

Он настолько гуманно относился к людям, что я просто не знаю людей, которые бы плохо относились к нему. Но как всегда бывает, такие люди очень ранимы, и жизнь ему портили. Те, кто с ним работал, отмечали его как организатора, но не как командира — он не командовал. Я сам многие годы был директором института и знаю, как это тяжело.

Отец умел сразу понять суть спора, суть проблемы, суть разногласия. И в военной тактике он мог разобраться — не только с точки зрения военного применения, но и с точки зрения, как сегодня бы сказали, менеджмента.

Вообще же, тема библиотек, как и тема музеев и архивов, — постоянная тема, поскольку сохраняется их задача — снабжать информацией пользователей: и тех, кто просто интересуется, и тех, кто занимается профессиональными исследованиями, и общество в целом. Информация — специфическая отрасль, и по мере ее развития, уверен, роль библиотек будет сохраняться.

Библиография

Творчество как формула жизни. Страницы биографии О.С. Чубарьяна / [сост., организатор проекта Л.М. Инькова]; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2008. 375 с.

Чубарьян О.С. Общее библиотековедение: Учебник для библиотечных ин-тов. 1-е изд., М.: Советская Россия, 1960. 202 с.

Чубарьян О.С. Человек и книга: Социальные проблемы чтения. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. 124 с.

Чубарьян, О.С. Проблемы теории и практики библиотечного дела в СССР: избр. тр. М.: Книга, 1979. 264 с.

УДК 02; 930

М.Д. Афанасьев, M.D. Afanas'ev

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И БИБЛИОТЕКИ: ГРАНИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Historical science and the library: faces of contact

Аннотация: библиотеки в силу своих функций являются важным информационным институтом для историка. Одновременно научное сообщество оказывает поддержку библиотекам в пополнении фондов, в создании информационных систем. Библиографические проекты библиотек (в частности, библиографирование дневников и мемуаров) создают фундамент для исторических исследований. В настоящее время осознается значение библиотеки как «места памяти». Этому содействует активная деятельность библиотек в изучении местной истории, проведении историко-культурных

исследований. Организуя научные конференции («Чтения»), дискуссионные «круглые столы», библиотеки осуществляют научно-организационную поддержку исторических исследований. В итоге совместная деятельность ученых-историков и библиотекарей создает эффективную основу для исторических исследований.

Abstract: By virtue of their functions, libraries are important information institution for historians. At the same time, the scientific community offers support for libraries as in replenishing funds and the creation of information systems. Bibliographic library projects (in particular, a bibliography of diaries and memoirs) provide the foundation for historical researches. Currently becoming more and more aware of the importance of the library as a “memory space”. This promotes vigorous activity of libraries in local history studies and carrying out historical and cultural studies. Organizing scientific conferences (“Чтения”), discussion roundtables, the libraries provides scientific and organizational support for historical researches. As a result, joint work of historians and librarians creates an effective basis for historical research.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, библиотека, фонды как информационный ресурс, «место памяти», научная библиография, историко-культурные исследования, научное сообщество, коммуникация, научно-организационная поддержка исследований.

Keywords: historical science, library science, library as an information resource, a «place of memory», scientific bibliography, history and cultural studies, scientific community, communication, organization and research support.

Предметом рассмотрения в данной работе будет вопрос о формах взаимодействия библиотек и исторической науки в России. Нет никакого сомнения, что на протяжении всей истории библиотек, в силу своих функций, они работали в сфере информационного обеспечения ученых-историков. Но в каждую историческую эпоху формы и характер взаимодействия историков и библиотек были различными. Последние десятилетия, начиная с перестройки, стали одними из наиболее динамично развивающихся в российской истории. В полной мере это затронуло и историческую науку. Библиотеки, несмотря на их более консервативный характер, также радикально изменились.

Как учреждение, предоставляющее услуги обществу, библиотека не может быть абсолютно независимой. В противном случае она будет, в соответствии с законом Паркинсона, бюрократической организацией, которая самостоятельно формулирует задачи для себя и сама их решает. Энергичная и полезная библиотека ориентирована на потребности общества, идет за ними или предвидит их, не прерывая связи со своими пользователями.

Другим важным фактором (в дополнение к требованиям аудитории), определяющим форму работы библиотеки извне, является ее место в государстве. Без необходимой государственной поддержки, без регулярных поступлений литературы библиотека не может отвечать запросам своих

пользователей и, следовательно, не может адекватно реагировать на потребности общества.

Наконец, и само научное сообщество оказывается значимым для библиотеки не только как «потребитель» ее услуг, но и как заинтересованный партнер в строительстве библиотеки, отвечающей его нуждам и, в конечном счете, потребностям всего общества. Попробуем рассмотреть те точки соприкосновения, в которых происходит процесс взаимопользы и взаимобогащения.

Библиотеки как ресурсная база исторических исследований. Говоря о том, в какой степени библиотеки способны оказать помощь исторической науке, следует оценить ресурсные возможности данного института.

При многочисленности библиотек в стране с крупными фондами, ориентированными на удовлетворение исследовательских запросов в области истории и, шире, гуманитарных и общественных наук, сравнительно немного. В первую очередь укажем на национальные библиотеки: Российская государственная библиотека (РГБ; общий фонд 40,2 млн экземпляров, из них 15,6 млн книг), Российская национальная библиотека (РНБ; общий фонд 32 млн экземпляров, из которых 13 млн книг), Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, быстро набирающая силу в сфере электронных ресурсов и цифровых копий печатных и рукописных документов (в настоящее время ее фонд электронных документов по социальным и гуманитарным наукам превышает 200 тыс. ед. и быстро пополняется).

Крупными библиотеками гуманитарного профиля являются три федеральные библиотеки: Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ России; фонд 6 млн экземпляров, из них 3,9 млн книг), Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ; фонд 4,6 млн экземпляров, из них 2 млн книг), Российская государственная библиотека искусств (РГБИ; фонд около 1,7 млн экземпляров).

Крупнейшим книжным ресурсом обладает Российская академия наук, имея библиотечные сети в Санкт-Петербурге (Библиотека РАН, БАН; фонд 19,5 млн экземпляров, из них 7,4 млн книг), Москве (Библиотека ИНИОН РАН с филиалами в институтах), Новосибирске (Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН, ГПНТБ СО РАН; фонд 9 млн экземпляров, в том числе 10 тыс. рукописей и старопечатных изданий).

Важный ресурс составляют библиотеки ведущих университетов: Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (общий фонд 8,5 млн экземпляров, из них 5 млн книг), Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета (общий фонд 6,5 млн экземпляров, из них 4,3 млн книг), Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального

университета (общий фонд 4,6 млн экземпляров, из них 2,5 млн книг), зональные научные библиотеки – им. Ю.А. Жданова Южного федерального университета (общий фонд 2,3 млн экземпляров, из них 1,5 млн книг) и им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (3,2 млн экземпляров), а также научная библиотека Томского государственного университета (3 млн экземпляров).

Следующий уровень составляют библиотеки субъектов Российской Федерации, чьи объемы фондов варьируются в зависимости от «возраста» и характера деятельности библиотеки между 3 млн и 200 тыс. экземпляров.

Ценные для историков библиотечные фонды содержат ряд библиотек музеев: Государственных Эрмитажа (общий фонд 600 тыс. экземпляров) и Русского музея в Санкт-Петербурге, Государственного исторического музея и Третьяковской галереи в Москве и др.

Основная ответственность сбора источников информации для работы историков, таким образом, лежит в России примерно на 150 библиотеках, имеющих очень разный потенциал и очень разное (далеко не всегда хорошее) материальное обеспечение. В отличие от архивов, широко практикующих издание путеводителей и имеющих единый информационный портал «Архивы России», дающий информацию ученым о данной ресурсной базе, подобных публикаций о библиотечной системе нет. Последний выпуск справочника «Библиотеки России» вышел в свет в 2000 г. [Большие и малые библиотеки России, 2000].

Совместные усилия библиотек и научного сообщества в пополнении фондов библиотек. Ресурсное значение библиотек складывается из двух компонентов – накопленных за годы существования фондов (их объем, применительно к перечисленным библиотекам, мы указали выше) и пополнения фондов выходящей литературой (отечественной и зарубежной). Насколько полно и оперативно будет идти этот процесс, настолько полезна, в конечном счете, окажется для исследователя та или иная библиотека.

В последние десятилетия любой исследователь в России, и историк здесь не исключение, оказался в чрезвычайно сложной ситуации. На смену периоду сокращения возможности опубликовать научную книгу, характерному для начала 1990-х гг., пришло время, когда количество публикаций стабилизировалось, однако тиражи изданий неуклонно снижаются. Так, в 2012 г. вышли в свет книги по истории и исторической науке (включая и научно-популярные издания) 3936 названий, средним тиражом 1720 экземпляров, а через три года, в 2015 г., – на одно название больше (3937), но тиражом уже 1382 экземпляра [здесь и далее подсчитано по: Печать Российской Федерации]. Для большей части научной литературы тираж был гораздо ниже. Как указывается в справке, опубликованной на сайте Всероссийской книжной палаты в 2015 г., «среди тиражных групп, как и обычно, по количеству

названий доминируют две категории изданий, а именно — малотиражные (до 500 экземпляров) и среднетиражные (до 5 тыс. экземпляров). К первой группе относится основная часть научных и краеведческих изданий» [Там же]. То есть именно те, которые представляют особый интерес для научного сообщества историков. Еще один характерный пример: один из лидеров издания исторической литературы, входящий в топ-лист 100 самых активных издательств России, издательство «Нестор-история», имел в 2015 г. средний тираж в 385 экземпляров.

Особую остроту с доступностью вышедших книг наблюдаем по отношению к региональным изданиям. Если в Москве и Санкт-Петербурге, где концентрируется значительная часть институтов, занимающихся изучением истории, доступ к вышедшим здесь книгам можно так или иначе решить, то малый тираж научных книг, вышедших вне столиц, делает их практически недоступными.

Средние тиражи книг, вышедших в 2015 г. по федеральным округам

Федеральный округ	Средний тираж, экз.
Дальневосточный ФО	585
Приволжский ФО	1548
Крымский ФО	670
Северо-Кавказский ФО	573
Сибирский ФО	321
Уральский ФО	631
Южный ФО	1542

Из приведенной таблицы исключены Центральный и Северо-Западный округа, куда входят Москва и Санкт-Петербург, «смазывающие» картину. Надо иметь в виду, что в ней учтены все издания, вышедшие на указанной территории, а не только научная литература. Последняя, как знаем, имеет еще меньшие тиражи.

Когда ученый находится в ситуации ограниченной доступности новой научной литературы по истории, особо важной представляется роль библиотек в ее приобретении и предоставлении читателю. Из библиотек, перечисленных выше, только семь, в соответствии с Федеральным законом об обязательном экземпляре документов, принятом в 1994 г., обладают правом получения такого экземпляра: РГБ, РНБ, БАН, ГПНТБ СО РАН, ГПИБ России, Научная библиотека МГУ, ИНИОН РАН (в настоящее время предпринимаются законодательные попытки сократить число получателей обязательного экземпляра, но и в сокращенный список, по-види-

тому, войдет большинство из перечисленных библиотек). Другие библиотеки приобретают их самостоятельно через конкурсные процедуры (торги) или напрямую у издателей.

Но даже получение обязательного экземпляра не избавляет библиотеку от пробелов в своем фонде. Это вызывает особую тревогу, потому что пробелы затрагивают в основном ту литературу, которую практически невозможно найти за пределами библиотеки. В число обязательных экземпляров не попадают наиболее важные для ученых издания. Это, во-первых, — книги, вышедшие ограниченным тиражом, выпущенные на средства авторов. Вторая группа включает книги российских авторов на русском языке, опубликованные при поддержке зарубежных центров или издателей (иногда с указанием Москвы как места создания). Напечатанные за рубежом, они оказываются вне системы обязательного экземпляра и крайне нерегулярно поступают в российские библиотеки.

Эксперты спорят о фактическом количестве книг, которые не доходят до библиографического учета Книжной палаты, поэтому не включены в государственные библиографические указатели и не поступают автоматически в крупнейшие книгохранилища. Пессимистические оценки колеблются между 15–20 % всех вышедших изданий, более реалистична цифра 5–10 %.

Библиотеки прилагают усилия, чтобы уменьшить пробелы, используют для этого различные формы, изыскивая дополнительные источники приобретения литературы. В арсенале методов, например, Исторической библиотеки — работа на книжных ярмарках, в том числе региональных, тесные книгообменные связи с библиотеками субъектов Российской Федерации, мониторинг издательской деятельности академических институтов и исследовательских центров и групп в вузах страны, использование своих представителей в крупных городах — центрах книгоиздания.

Именно в сфере пополнения фондов библиотек актуальной, но труднодоступной литературой есть широкое поле для сотрудничества между библиотеками и научным сообществом. Обе стороны оказываются заинтересованы в полном и качественном комплектовании фондов библиотек. В описанной ситуации объединение усилий привело к тому, что сами авторы, издатели, читатели библиотеки проявляют заботу о том, чтобы их книги и книги, необходимые профессиональному сообществу, были в библиотеках. Не случайно сегодня важный источник библиотечных приобретений составляют книжные пожертвования частных лиц и организаций.

Ежегодно, как и многие другие библиотеки, Историческая библиотека получает книги от авторов научных трудов, редакторов и издателей. Многие из этих книг не учтены Книжной палатой в обязательном экземпляре и не поступили в библиотеку иным путем. Среди поступающих в дар книг есть и зарубежные издания отечественных авторов, и книги прежних лет

издания, по тем или иным причинам отсутствующие в фонде. Объем бесплатных поступлений достигает 3000 экземпляров в год. Большое количество книжных пожертвований является не только выражением признательности и благодарности со стороны читателя за помощь в работе, но и результатом целенаправленных совместных усилий библиотеки и ее читателей в общем и важном деле.

Значение справочно-поискового аппарата библиотеки как инструмента содействия историческим исследованиям. Как бы ни были богаты фонды библиотеки, они останутся невостребованными без справочного аппарата, позволяющего осуществлять эффективный поиск информации. Традиционно, до появления электронных инструментов организации поиска, таким аппаратом в библиотеках являлась система каталогов. На примере ГПИБ России можно увидеть, как взаимная заинтересованность ученых и библиотекарей в решении этой проблемы привела к созданию уникальной поисковой системы.

Уже в момент создания библиотеки в 1938 г. на основе соединенных библиотек Исторического музея (ГИМ) и Институтов красной профессуры встал вопрос о формировании единой системы каталогов библиотеки, ориентированной на читателя-историка. В процессе работы по слиянию каталогов разнородных библиотек, лежащих в основе нового собрания, в единый алфавитный каталог были приняты принципиальные решения, повысившие его поисковые возможности. К наиболее важным из них отнесем два. Первое — описание отписок статей, широко представленных в собрании ГИМа, как самостоятельных изданий. Это позволило ввести в научный оборот множество журнальных публикаций, которые в ином случае были бы малоизвестны научной общественности. Второе — разработка собственной системы коллективных авторов, позволившей с большой эффективностью сгруппировать разнообразные издания учреждений вне зависимости от того, как менялось его наименование и в каких формах оно выпускало свои труды.

В начале 1950-х гг. библиотека приступила к созданию систематического каталога. Система классификации для него разрабатывалась библиотечными специалистами совместно со специально созданной Академией наук СССР группой историков. Созданная схема классификации пошла проверку временем и, несмотря на кардинальные идеологические перемены, в своей основе сохранилась и в постсоветское время. Систематический каталог создавался на базе существовавшего в библиотеке ГИМа предметного каталога, однако полностью предметный каталог не был ликвидирован — сохранены и стали развиваться как самостоятельный поисковый инструмент предметные рубрики, более эффективно отражавшие содержание документов, нежели разделы систематического каталога (персоналии, географические названия и т.п.).

Принципиальным решением ГПИБ стало включение в систематический каталог описаний статей из научных сборников — уникальное явление для библиотечной практики. Благодаря этому каталоги Исторической библиотеки выгодно отличаются от каталогов других библиотек полнотой и богатством представленной информации.

Параллельно были созданы картотеки на журнальные статьи — дореволюционные и советского периода.

В итоге сформирована целостная поисковая система, репрезентативно отражающая информационный потенциал библиотеки. Прделанное в прошлые годы позволило в новое время создать качественный электронный каталог, аналога которому мы не имеем ни в одной библиотеке. После оцифровки всей системы карточных каталогов и картотек электронные каталог ГПИБ отражает всё многообразие источников информации: книги, журналы, журнальные статьи, оттиски и статьи из сборников в едином поиске. В качестве инструмента тематического поиска можно воспользоваться поисковыми возможностями библиотечной классификации, предметными рубриками, контекстным поиском по библиографическому описанию. Если к этому прибавить возможности современного читателя дистанционно заказывать литературу для чтения или копирования, то можно говорить об описанной системе как об удачном решении проблемы эффективного поиска информации для исторических исследований.

Библиотека как «место памяти». В рамках изучения феномена исторической памяти французским историком П. Нора было сформулировано понятие «места памяти» (*Lieux de memoire*) — места, предмета, действия, в котором овеществлена национальная память, являющиеся важным элементом исторической памяти народа, сообщества. Рассматривая деятельность библиотеки в данном контексте, мы наблюдаем, как она приобретает черты такого «места памяти». Ключевым моментом в этом процессе становится работа библиотек по собиранию в своих фондах не только вторичной (печатной, библиографической) информации, но и первичных материалов, артефактов, становящихся источниковой базой для исследователей и символически важным элементом исторической памяти для любого ее посетителя.

Отчасти эта деятельность традиционна для библиотек, ориентированных на обеспечение научных исследований. Они ведут целенаправленное и углубленное формирование специальных коллекций, которые могли бы составить источниковую базу историков — современных и будущих. Такие коллекции принципиально отличаются от обычного тематического собрания печатных изданий. Даже будучи тиражированными, включенные в них документы имеют ценность не только благодаря заключенной в них информации, но и как артефакт; информация в них — свидетель эпохи, потому они могут рассматриваться как исторический источник.

Ярким примером является коллекция «нетрадиционной печати», собранная и собираемая в настоящее время ГПИБ России. Возникновение в эпоху перестройки новых общественных движений, преобразование их в политические партии, активизация религиозных общин, выход в публичную сферу политического и культурного андеграунда сопровождались многочисленными спонтанно публикуемыми материалами в виде газет, журналов, книг, брошюр, листовок, которые зачастую не имели систем распространения, кроме свободной раздачи в местах собраний (на встречах, митингах, на улицах прохожим), или распространялись в среде единомышленников. Они нигде не регистрировались и, из-за их оппозиционного характера, не попадали в государственные хранилища — библиотеки и архивы. Очевидно, что этот материал является необходимым и чрезвычайно важным источником для изучения общественной жизни в 1980—1990-х гг. Но даже распространяемые сегодня по неформальным каналам печатные издания представляют интерес для политического анализа современного общества и исторической науки будущего.

Первые подобные документы были собраны самими по сути неформальными организациями (Московская независимая общественная библиотека, Московское бюро информационного обмена, Общество «Мемориал» и др.). С 1989 г. первую «официальную» коллекцию формирует Историческая библиотека, которая ясно осознала свою миссию библиотеки как института памяти [Московские коллекции самиздата, 1992]. За ней последовала Российская национальная библиотека. Сегодня «летучие» материалы, отображающие политическую и культурную жизнь общества, собирают многие библиотеки, становясь тем самыми важными элементами исторической памяти общества.

Другим тематическим комплексом источников, свидетельствующих о российской истории, сформированным в библиотеках, стали коллекции изданий российской эмиграции. Крупными собраниями в этой сфере обладают библиотека Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, ГПИБ России, РГБ, ВГБИЛ и др.

П. Нора, описывая феномен «места памяти», указывал: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [Нора, 1999. С. 40]. Такая символическая аура появляется у библиотеки, когда она в своей деятельности по формированию подобных коллекций затрагивает общественно значимые для исторической памяти сюжеты. И мы наблюдаем, как ряд библиотек в последние годы сделал именно этот шаг. Здесь в первую очередь можно говорить о широко распространившихся в библиотечной среде собирании, сохранении и предоставлении обществу документальных и материальных свидетельств о Великой Отечественной войне. Участие в ней, жизнь в ту эпоху нашли отра-

жение в письмах, дневниках, воспоминаниях рядовых людей. Их собирают сегодня в библиотеках.

Мемориальная деятельность все более становится одним из ключевых направлений в работе общедоступных библиотек. По поручению правительства Москвы разрабатывается специальный нормативный документ — Регламент деятельности мемориальных библиотек как особого типа московских публичных библиотек. Все это дает основания считать библиотеку местом памяти [Маркова, 2009], а у ученых появляется еще один массовый источник по истории изучаемой эпохи.

Научная библиография как форма сотрудничества ученых и библиотекарей. Можно с уверенностью сказать: в XX в. с появлением профессиональных библиографов, с созданием творческих коллективов в библиотеках расширились масштабы работы, появились библиографические труды, оказавшие заметное влияние на историческую науку и на общественное сознание в целом. Роль их, по нашим представлениям, со временем будет только расти. При этом следует отметить, что работа над крупнейшими библиографическими проектами шла зачастую по инициативе и при участии ученых-историков.

Яркой фигурой в их среде в плане развития библиографической деятельности, несомненно, был П.А. Зайончковский, совместивший в своем лице историка, источниковеда и библиографа. Именно ему принадлежит идея библиографирования мемуаров и дневников, реализованная при поддержке библиографов всех крупнейших библиотек страны. В условиях советской науки это культурное событие было особенно важным. Оно смогло дать основу молодым исследователям по-иному формулировать предмет исследований, внести в них те аспекты, которые развиваются в мировой исторической науке: история повседневности, семейная история и т.д. Проект, стартовавший более 40 лет назад, не закончился выходом многотомника «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (т. 1 вышел в 1976 г.). За ним последовала серия библиографических изданий по теме «Советское общество в воспоминаниях и дневниках» (1987—2017). Наконец, Исторической библиотекой выпущен четырехтомник «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках» (2003—2006). И на этом точка не поставлена: действует соглашение между РНБ, РГБ и ГПИБ России о продолжении работы по библиографированию мемуаров, посвященных дореволюционной и советской России. Стоит только пожалеть, что другая идея П.А. Зайончковского — библиографирование публикаций эпистолярного наследия — так и не была реализована.

Исторически значима работа российских библиотек, дающая старт развитию целых направлений исторической науки, по изданию сводных каталогов книг (XVIII в., первой четверти XIX в. и др.). Современный интерес исторической науки к «приватной» информации, к фактам в истории отдельных

людей, развертывание генеалогических исследований стали импульсом для ряда библиотечных библиографических проектов. Так, библиографы РНБ выпустили серию каталогов наиболее информативных типов дореволюционных изданий — «Памятных книжек губерний Российской империи» [Памятные книжки губерний и областей Российской империи, указатель содержания, 2002]. Потребностям историографии отвечают подготовка и выпуск указателей статей в периодических изданиях XIX — начала XX в. Историки имеют в руках указатели к журналам «Дело» (1866—1888), «Новый путь», «Вопросы жизни» (1903—1905), подготовленные в РНБ. В ГПИБ России идет планомерная работа по росписи эмигрантской периодики.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что российские библиотеки все еще активны в традиционной библиографической работе. Бурное распространение электронных форм представления информации только расширило их возможности в данном направлении, облегчило историкам доступ к этой информации, но не повлияло на содержание работы, остающейся актуальной и ориентированной на поддержку широкого спектра исследовательских проектов. В эпоху глобальных перемен формы работы библиографов меняются. Но несомненно одно — значение библиографической работы библиотек не уменьшится, она будет так же востребована научным сообществом.

Краеведческая деятельность библиотек и историческая наука. Среди тенденций, характеризующих современное состояние исторической науки в стране, следует отметить регионализацию — ориентацию на изучение исторических процессов на примере своего края или региона, выбранного в качестве объекта исследования. Такой подход вполне вписывается в рамки изучения истории повседневности. В этом плане возрастает значение работы библиотек по историческому краеведению, т.е. по изучению края, собиранию материалов по его истории. Она традиционна для библиотек всех уровней, особенно тех, жизнь и деятельность которых связана с определенным регионом (областная библиотека) или населенным пунктом (муниципальная библиотека). Но и в ней заметны важные для нашей темы новации.

Сегодня региональные и даже муниципальные библиотеки не ограничиваются библиографической работой. Выше уже говорилось о мемориальной функции библиотек, которая опирается на изучение истории края. Следствием этого стало их привлечение к участию в исследовательских и публикаторских проектах. Так, при создании региональных энциклопедий и других справочных изданий по истории города, края ни один из российских регионов не обходился без участия библиотек (областные библиотеки Волгоградской, Воронежской, Кировской, Орловской областей и мн. др.). При участии библиотек в регионах выходят историко-краеведческие альманахи, сборники, журналы, учебники по истории региона и т.д.

Библиография составляет основу любой культурно-познавательной деятельности библиотек. В региональных библиотеках за многие годы краеведческой работы сформировался солидный запас библиографических материалов, как текущих, так и ретроспективных, что представляет несомненный интерес для историков. В последние годы усилия библиотек направлены на подготовку научно-ориентированных библиографических изданий. В первую очередь это проявилось в издании сводных каталогов, включающих сведения о том, в каких библиотеках региона, страны имеются описанные в библиографии экземпляры. Яркий пример такой работы, имеющей большое значение для исторических исследований, — «Сводный каталог якутской книги» (2015) более чем за сто лет издательской деятельности в крае.

Ценный источник информации о фактическом положении книгоиздания в России — библиографические указатели местной печатной продукции, создаваемые с помощью региональных библиотек и основывающиеся на получении ими обязательных экземпляров местных изданий. Они дополняют в значительной степени государственную регистрацию.

Деятельность региональных библиотек далеко выходит за рамки сбора информации для региональных исследований. Подготавливаемые ими материалы создают надежную информационную базу для историографических исследований любого масштаба.

Историко-культурные исследования в библиотеках. Наряду с историко-краеведческой работой, основу которой составляют традиционные формы деятельности (библиографическая и собирательская), в библиотеках последние десятилетия активно развивается самостоятельная исследовательская работа, направленная на изучение собственных книжных (документальных) коллекций. Говоря об этом, мы не имеем в виду ту большую работу по истории книжных памятников, исследовательскую работу, осуществляемую крупнейшими библиотеками страны (РГБ, РНБ, БАН, ГПНТБ СО РАН) как научными институтами (притом, что официально этот статус за некоторыми из них сегодня не закреплен, эта работа продолжается). Рассмотрим феномен исследовательской работы региональных и вузовских библиотек. Здесь мы наблюдаем два родственных друг другу направления — изучение истории: книги (на базе собственных коллекций) и библиотек.

Историко-книговедческий аспект работы библиотек реализуется в поэкземплярном изучении фондов, выявлении книжных памятников, их описании. Главное, что отличает библиотечный аспект этой деятельности, — особое внимание к судьбе книги, ее провенансу, благодаря чему научному сообществу представлен богатый материал в области не только книговедения, но и биографики и просопографии. Практическим результатом подобных исследований стали выпускаемые библиотеками каталоги эксли-

брисов, включающие не только сведения об этой форме малой графики, но и биографические сведения о владельцах книг, художниках, данные о судьбе книжных собраний [Архипова, 2010; Пчелов, 2010, и др.] и сводные каталоги книжных памятников [Пирогова, Белобородов, 2005–2007; Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края, 2010]. До их выхода информация о том, какие книжные сокровища хранятся в региональных библиотеках, была научной общественности практически недоступна.

В тесной связи с изучением книжных коллекций в библиотеках развивалось и изучение истории библиотек. Интересы библиотечных специалистов не ограничиваются историей собственного учреждения, хотя ему уделяется особое внимание. Изучаются давно исчезнувшие библиотеки [Потупчик, 2011]. О масштабах и распространенности подобных исследований в библиотеках говорит тот факт, что наряду с региональными научными конференциями на протяжении двух десятилетий ежегодно, чередуясь в Москве и Санкт-Петербурге, проходили общероссийские конференции, посвященные истории библиотек: «Библиотека в контексте истории» (Москва, РГБ) и «История библиотек» (Санкт-Петербург, РНБ). Результаты зафиксированы в ряде монографий по истории отдельных библиотек и сборниках, посвященных истории библиотек регионов [Маломётова, 2008; Общедоступные библиотеки Москвы в контексте истории, 2014].

Научно-организационная поддержка исторических исследований. Изложенное выше (историко-краеведческая и научно-исследовательская работа) подвигло библиотеки к развитию нетипичных для них, но присущих научным учреждениям, форм работы — проведению научных конференций, «круглых столов», семинаров.

В традиции крупных научных библиотек со статусом научно-исследовательских институтов было проведение ежегодных или разовых научных конференций: «Федоровские чтения» Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, посвященные истории книги, сменили «Румянцевские чтения» РГБ с более широкой проблематикой. ГПИБ России проводила конференции под девизом «Библиотеки и история», регулярные научные конференции проходили в Библиотеке Академии наук. Более типична работа библиотек по организации площадок для общения профессиональных историков — проведение «круглых столов», дискуссий. Такая форма поддержки исторической науки в прошлые годы была характерна для Исторической библиотеки.

Современный этап коммуникации библиотечного и научного сообществ ознаменовался феноменом научных конференций, проводимых самими библиотеками с приглашением ученых-историков участвовать в них на равных с библиотечными специалистами условиях. Это приобрело систематический (часто — ежегодный) характер. С присущей им скромностью

библиотеки, как правило, называют свои конференции «чтениями» и посвящают их какой-либо значимой для данного региона или библиотеки фигуре. Заслуженный авторитет в научной среде завоевали «Чертковские чтения» ГПИБ России, «Петряевские чтения» Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена и многие другие.

Даже библиотеки, не выполняющие независимых исследований, организывают конференции. В некоторых случаях библиотеки иницируют встречи заинтересованной аудитории с хорошо известным исследователем («Опочиненские чтения» в городе Мышкине Ярославской области). Во всех случаях библиотеки, организуя конференции, предоставляют пространство для дискуссии, демонстрируют книжную выставку, готовят библиографические материалы. Данная форма поддержки научного сообщества с их стороны особенно актуальна в ситуации снижения количества научных конференций в академической среде. Они стали привычным местом для встречи исследователей и общественности, для обсуждения текущих исторических и политических вопросов.

Благодаря деятельности по информационному обеспечению, в том числе исторической науки, научно-библиографической работе, усилиям по формированию коллекций и облегчению доступа к ним, благодаря собственным исследованиям, библиотеки — несмотря на многие нерешенные вопросы — являются важным элементом жизни исторической науки. А научное сообщество оказывает влияние на жизнь и деятельность библиотек не только как благодарный «потребитель» их услуг, но и как ответственный партнер в решении задач, волнующих и библиотекарей, и историков.

Библиография

Архипова Е.И. Экслибрисы библиотек и частных коллекций в фонде Тверской областной универсальной научной библиотеки им. А.М. Горького: иллюстрированный каталог. Тверь: Тверская ОУНБ, 2010. 71 с.

Большие и малые библиотеки России: Справочник. М.: Либерия, 2000. 318 с.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указ. книг и публикаций в журналах. Т. 1: XV—XVIII века / Науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976. 301 с.

Маломётова З.А. «Для удовлетворения любознательных умов к дальнейшему образованию...» Очерки из истории Астраханской областной библиотеки им. Н.К. Крупской. 1838—2008. Астрахань, 2008. 351 с.

Маркова Т.Б. Библиотека-музей как место памяти // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2009. Вып. 4. С. 87—91.

Московские коллекции самиздата. Материалы к сводному каталогу самиздата и независимой периодической печати / Сост. Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М.: Из глубин, 1992. 264 с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17—50.

Общедоступные библиотеки Москвы в контексте истории. 1884–1941: Сб. ст. М.: Б-ка-читальня им. И.С. Тургенева, 2014. 235 с.

Памятные книжки губерний и областей Российской империи, указатель содержания: В 2 ч. / Рос. нац. б-ка; [сост. Н.М. Балацкая и др.; науч. ред. В.В. Антонов, Н.М. Балацкая]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

Печать Российской Федерации. Электр. ресурс <http://www.bookchamber.ru/statistics.html>

Пирогова Е.П., Белобородов С.А. Сводный каталог книг гражданской печати XVIII – 1-й четверти XIX века в собраниях Урала: В 2 т. Екатеринбург: Сократ, 2005–2007.

Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края: Каталог / Радишаускайте Н.В. и др. Хабаровск: Дальневосточная гос. науч. б-ка, 2010. 137 с.

Потупчик М.Н. Первая техническая библиотека Западной Сибири // Пользуновский альманах. 2011. № 2. С. 56–60.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. кн., журн. и газетн. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. / Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфорд. ун-т. Т. 1–4 (5 кн.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2003–2006.

Сводный каталог якутской книги (1812–1917 гг.) / Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия), Науч.-исслед. центр кн. памятников; [сост.: Т.А. Андросова, С.И. Бойтунова, В.Б. Борисов и др.; науч. ред. С.В. Максимова]. Новосибирск: Наука, 2015. 520 с.

Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннот. библиогр. указ. кн., публ. в сб. и журн. М.: Книга, 1987–2017.

Экслибрисы и штампы на книгах Научной библиотеки РГГУ: антология / Рос. гос. гуманитарн. ун-т ; авт.-сост. Е.В. Пчелов; худож. С.С. Ипполитов. М.: Изд. центр РГГУ, 2010. 440 с.

УДК 0

Ю.Ю. Черный, Yu. Yu. Chernyy

АРХИВЫ, БИБЛИОТЕКИ, МУЗЕИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Archives, Libraries, Museums in the Global Information Environment

Аннотация: в статье представлена логика эволюции институтов социальной памяти (архивов, библиотек и музеев) со времени их возникновения до наших дней. Показано, что в рукописную эпоху архивы, библиотеки и музеи представляли собой единое целое. Делается предположение, что конвергенция институтов социальной памяти в электронную эпоху является возвращением к истокам на новом технологическом уровне. Описывается направление развития глобальной информационной среды примерно до 2040 г. в сторону формирования глобального мозга – коллективного ин-

теллекта человечества. Специальное внимание уделяется проекту «Нейронет» (Web 4.0) — одной из перспективных разработок в рамках Национальной технологической инициативы Российской Федерации.

Abstract: the article presents the logics of the evolution of social memory institutions (archives, libraries and museums) since their inception to the present day. It is shown that in the era of handwritten archives, libraries and museums represented a single entity. It is assumed that the convergence of the institutions of social memory in a digital age is a return to the origins of a new technological level. Development of global information environment vector is described up to approximately 2040 in the direction of a global brain formation — collective intelligence of humanity. Special attention is paid to the project «Neuronet» (Web 4.0) — one of the most promising developments in the framework of National Technological Initiative of the Russian Federation.

Ключевые слова: архивы, библиотеки, музеи, социальная память, рукописная коммуникация, электронная коммуникация, Интернет, глобальный мозг, коллективный интеллект, ноосфера, Нейронет, трансгуманизм, конвергенция, индустриализм, постиндустриализм, глобализм, глобальная информационная среда.

Keywords: archives, libraries, museums, social memory, hand-written communication, electronic communication, the Internet, global brain, collective intelligence, the noosphere, Neuronet, transhumanism, convergence, industrialism, post-industrialism, globalism, global information environment.

Введение. Американский философ, социолог и футуролог Э. Тоффлер предсказывал, что в конце XX — начале XXI в. социальная борьба развернется не между политическими системами, а между силами, представляющими Вторую (индустриальную) и Третью (постиндустриальную) волны развития цивилизации. Она завершится примерно к 2025 г. победой Третьей волны. Масштабными социокультурными изменениями будут затронуты все сферы жизни, в том числе и *система социальной памяти*. Решающую роль в процессе ее преобразования сыграет компьютер. Он усилит интеллектуальные способности человека так же, как машины индустриальной эпохи в свое время усилили его физические возможности.

14-ю главу книги 1980 г. «Третья волна» Тоффлер посвятил изменению интеллектуальной среды [Тоффлер, 1980]. Он писал, что все виды памяти можно разделить на индивидуальную (частную), не доступную для других, и память общую, открытую для совместного доступа (социальную). Частная память умирает вместе с человеком, а социальная продолжает существование. В способности хранить и отыскивать информацию в общей памяти и заключается секрет успешного эволюционного развития нашего вида. То, каким образом мы создаем, накапливаем социальную память или пользуемся ею, затрагивает самые истоки судьбы.

На протяжении своей истории человечество *дважды* коренным образом меняло способ организации социальной памяти. Первоначально со-

циальные группы были вынуждены накапливать общую память в головах родо-племенных старейшин и мудрецов. Важнейшие сведения (о том, как развести огонь, заострить палку, заманить в ловушку птицу, вязать плоты или ходить за быками) хранились в форме истории, мифа, традиционного практического знания и легенды и передавались устно или на примерах. Весь накопленный опыт группы размещался в нейронах, нервной ткани и конъюгациях (соединениях) хромосом людей. При этом объем социальной памяти был жестко ограничен.

Цивилизация Второй волны извлекла социальную память из-под «чрепной коробки», нашла новые способы ее хранения и тем самым вывела ее за рамки прежних ограничений. Она изобрела картотеки, распространила массовую грамотность, построила тысячи библиотек и музеев. Увеличив запас кумулятивного знания, она ускорила процессы нововведений и социальных перемен.

Создавая инфосферу Третьей волны, мы находимся на пороге очередного преобразования социальной памяти. При помощи новейших электронных средств деятельность общества самым подробным образом регистрируется в записи. Вскоре мы вплотную приблизимся к *цивилизации «фотографической» памяти*. В отличие от совсем недавнего времени цивилизация Третьей волны будет иметь в своем распоряжении гораздо лучше организованную информацию о себе самой.

Но дело не только в количественных изменениях. Третья волна снова *вдохнет в свою память жизнь*. Первоначально, когда социальная память накапливалась в человеческих умах, она подвергалась постепенному разрушению, пополнению, смешиванию, комбинированию, но оставалась деятельной, энергичной и потому живой. После того, как промышленная цивилизация вывела большую часть социальной памяти за пределы индивидуального мозга, память стала объективированной (воплощенной в документальных артефактах — книгах, платежных ведомостях, газетах, фотографиях и фильмах), но вместе с тем неподвижной и пассивной. Эти символы оживали лишь в том случае, когда снова вводились в человеческий мозг. Поэтому цивилизация Второй волны, радикальным образом расширив социальную память, в то же время заморозила ее.

Активизация новоявленной расширенной памяти в эпоху Третьей волны высвободит в культуре новые силы. В отличие от традиционной библиотеки или каталога, компьютер не только поможет организовать или синтезировать «крупницы информации» в согласованные модели реальности, но и раздвинет границы возможного. Он сделает реальным поток невообразимых ранее теорий, идей, идеологий, художественных озарений, технических прорывов, экономических и политических инноваций, ускорит процесс исторических изменений и обеспечит резкий сдвиг в сторону социального многообразия Третьей волны.

Во всех предшествующих обществах инфосфера предоставляла средства коммуникации между людьми. Третья волна не только приумножит их, но и впервые в истории обеспечит мощные средства для коммуникации между машинами и для общения людей с окружающей их интеллектуальной средой. Революция в инфосфере станет столь же грандиозной и паразитической, как и революция в техносфере — энергетической и технологической основе общества.

Вдохновенный пророческий дар Тоффлера, к тому же получивший подтверждение в ходе дальнейшего развития событий, не может оставить равнодушным. Вместе с тем в рассуждениях американского ученого содержится одна неточность. Из-под «черепной коробки» социальную память извлекла цивилизация не Второй (индустриальной), а Первой (аграрной) волны, пришедшая на смену охотничье-собираческому (доаграрному) обществу. Поэтому из поля зрения Тоффлера выпал весь период рукописной коммуникации, длившийся несколько тысяч лет с момента изобретения письменности до движения Реформации (XVI—XVII вв.). Институты социальной памяти возникли именно в то время и имели иной вид, чем в более позднюю индустриальную эпоху.

Архивы, библиотеки и музеи в период рукописной коммуникации. Своим появлением архивы, библиотеки и музеи обязаны изобретению *письменности*. Традиционно считается, что она возникла на основе протописьменных знаковых систем в IV—III тыс. до н.э. Однако в последние годы все чаще говорят о необходимости удлинения этого срока еще на два-три тысячелетия [Гринченко, 2007. С. 132—133].

Способность фиксировать устную речь в знаковой форме и передавать ее в пространстве и времени зародилась в первых цивилизациях древности: месопотамской, древнеегипетской, критской, индусской, древнекитайской и мезоамериканской. Информационная революция эпохи неолита, которой предшествовал длительный период существования бесписьменного общества [Семеновкер, 2007; Столяров, 2009], была связана с потребностями цивилизационного развития — появлением городов, торговли и ремесел, образованием мощных централизованных государств, классовым расслоением населения [Соколов, 2014. С. 96]. Значение изобретения письменности для общества настолько велико, что время ее возникновения разделяет историю человечества на две эпохи — доисторическую (первобытную) и историческую.

Основными функциями архивов, библиотек и музеев были и остаются сбор, обработка, хранение и передача информации. Б.А. Семеновкер указывает, что первоначально организационная триада информационной деятельности составляла *единое целое* и лишь впоследствии из-за различий в составе и технологии произошло ее естественное разделение. Архивы аккумулировали документы о деятельности человека, общества и государства

(документы «действия» и «решения»), библиотеки — материалы творческой деятельности литературного, научного и художественного содержания (документы «мысли»), а музеи — разнообразные материальные объекты жизнедеятельности человека и природы [Семеновкер, 2011. С. 5]. Вместе с тем в рукописную эпоху каждый из институтов сохранял в своем составе элементы двух других: архивные фонды включали книги и материальные объекты, библиотеки имели архивы и музейную часть, нередко с постоянной экспозицией, а музеи — документы и книги, в том числе архивы и подсобные библиотеки. В древности и в Средние века архивы и библиотеки представляли собой один институт, особенно в монастырях. Это объясняется тем, что до появления книгопечатания оба института занимались исключительно рукописями. В ранних европейских музеях библиотеки тоже являлись частью их собраний.

Отличие архивов, библиотек и музеев друг от друга объясняется особенностями их возникновения и развития. Архив появляется и растет естественно в результате документирования определенной деятельности, в то время как библиотеки и музеи пополняются осознанно в форме комплектования. «Первоначально библиотеки появились в составе архивов в связи с возникновением потребности иметь под рукой тексты, предназначенные не для ежедневного и эпизодического, а для длительного и постоянного использования. В отличие от архивов, библиотеки и музеи в большей степени нацелены на передачу информации, в том числе в образовательных целях» [Там же. С. 6].

Возникновение архивов стало индикатором перехода от устной памяти и культуры к письменной. Оно было связано с появлением государства и хозяйственной деятельности, а также усилением межгосударственных отношений. Древнейшие архивы появились в Месопотамии в первой половине III тыс. до н.э. и затем распространились на Египет, Микенскую Грецию, Малую Азию и Персидскую империю вплоть до эпохи эллинизма и Селевкидов. В Китае появление архивов относится к концу периода династии Чжоу. Первыми письменными документами стали документы об учете труда крестьян, а первыми архивами — собрания этих документов. Вначале письменность как новое техническое средство коммуникации находилась под контролем правящей группы, но затем она постепенно получала более широкое распространение. В отличие от архивов древнего Востока, подчиненных частным целям правителя, архивы античной Греции имели не хозяйственный, а правовой характер. Они возникали как публичные институты, связанные с ценностями демократии и желанием граждан контролировать руководителей государства. Позднее в результате развития товарно-денежных отношений и необходимости распоряжения крупными материальными ценностями возникли частные архивы [Там же. С. 14—18].

История библиотек — это история их востребованности обществом [Володин, 2002. С. 9–10]. Библиотеки возникали, когда появлялась потребность многократно использовать письменный текст. Они зародились в лоне архивов и длительное время, в том числе в Средние века, могли составлять с ними одно целое. Подлинное различие между архивами и библиотеками проявилось только к концу римского периода. Библиотеки стали местом памяти и письменной коммуникации, центрами суммирования старого и нового опыта на основе нового метода передачи информации — *чтения*. В течение столетий библиотека оставалась единственным социальным институтом, который являлся для каждого человека организованной и устойчивой информационной системой. Она должна была предоставлять потребителю необходимые сведения в нужное время, удовлетворяла потребность в копировании текстов с целью сохранения и передачи знаний.

Одной из первых библиотечных цивилизаций стала Месопотамия. Самой значительной в этом регионе была библиотека ассирийского царя Ашшурбанипала (VII в. до н.э.), состоявшая из глиняных табличек с клинописными текстами. Ашшурбанипал страстно любил писаное слово и намеревался собрать у себя все знания, накопленные к тому времени. Его библиотека считалась погибшей вместе с Ниневией в 612 г. до н.э., однако в 1849 г. часть ее (более 25 тыс. табличек) была найдена при раскопках. В настоящее время они хранятся в Британском музее в Лондоне.

Древние библиотеки являлись символами и центрами власти. В Китае было принято хранить книги и документы вместе, так как книги на исторические, религиозные и морально-этические темы считались пособиями по управлению государством. Поэтому книги обычно размещались при правительственных учреждениях. Не менее тесная связь прослеживается между библиотеками и религиозными институтами. Вплоть до XVIII в. библиотеки в основном создавались с религиозными целями. Александрийский Мусей (о нем ниже) был храмом Муз, поэтому к Александрийской библиотеке, ядро которой составил архив обожествленного Александра Македонского, относились как к хранилищу божественной мудрости и божественного закона. Слава ее как самой знаменитой библиотеки Древнего мира достигла нашего времени. По инициативе профессоров Александрийского университета она возрождена и открыта на старом месте в 2002 г. под названием «Библиотека Александрина» [Черный, 2006]. Основные уроки, благодаря которым ее образ сохранился до настоящего времени, состояли в том, что она: по составу фондов и технологиям стала образцом национальной библиотеки; показала, что научная библиотека является важной составляющей частью научной работы; создала собственный библиографический аппарат, что привело к возникновению идеи национальной библиографии [Семеновкер, 2011. С. 98–99].

Связь библиотек с культовыми местами сохранилась и в средневековой Европе. Идеологическая функция библиотеки заключалась в подчинении христианской идее и государству. В странах, принимавших христианство, библиотеки возникали в связи с потребностями книжности, богослужения и церковного образования. Так произошло, например, в Эфиопии и на Руси.

В арабо-мусульманском мире с его культом знания естественным местом для возникновения первых библиотек стали религиозные центры, а также места обучения, собраний, встреч и поэтических чтений. Обычно самая крупная мечеть имела самую большую и полноценную библиотеку. Подобным образом складывалась ситуация и в Юго-Восточной Азии после принятия буддизма в качестве государственной религии. Здесь центрами создания библиотек становились буддийские храмы и монастыри.

Первые библиотеки правителей и храмов Древнего мира были закрытыми. Свободный доступ к документам возник только с появлением публичных (общедоступных) библиотек в Древнем Риме. Идея создания в Риме библиотеки такого рода принадлежала Юлию Цезарю, увидевшему Александрийскую библиотеку до гибели ее основной части в войне. Особенность Древней Греции, а затем и Рима, состояла в том, что библиотеки в них создавались не коллективами, а индивидуумами — учеными, философами, поэтами, ораторами и официальными лицами. Публичные библиотеки становились важной средой общения.

История библиотек неотделима от истории образования. Инициаторами их создания были философские школы Эллады, в особенности школа Аристотеля. В дальнейшем именно перипатетики были привлечены к организации Александрийской библиотеки [Семеновкер, 2011. С. 86—92].

Музеи возникли позже архивов и библиотек. По своей цели музей ближе к архиву, чем к библиотеке, но, как и библиотека, он имеет образовательно-показательные задачи [Маяковский, 1998]. Для всех трех социальных институтов характерно стремление в первую очередь сохранить свои артефакты для их изучения и использования.

Принцип музея состоит в изъятии из окружающей среды предметов музейного значения для их сохранения. Стихийное накопление коллекций в форме собирательства происходило уже в первобытном обществе. В Древней Греции в святилище Долины Муз в Беотии за 12 веков скопилось множество статуй богов, животных, героев, певцов, музыкантов и стелл с посвятельными надписями, которые рассматривали паломники. Древние называли Мусеум не только храм под открытым небом, но и весь священный участок, на котором он находился. Таким образом, античный Мусей (Музейон) оказался сакральным местом поклонения девяти Музам — олимпийским богиням, дочерям Зевса и Мнемосины.

Музеи существовали у разных философских школ, в том числе у пифагорейцев и в платоновской Академии. Но в полной мере он получил реали-

зацию в Ликее Аристотеля. В его составе были ботанический и зоологический сады и, возможно, коллекция минералов. Сам Аристотель занимался изучением внутреннего строения животных и был искусным препаратором. После вскрытия редких животных из них изготавливались чучела, которые хранились в Мусее и использовались в качестве иллюстративного материала при чтении лекций.

Перипатетики перенесли музейную традицию в Александрию, где Музей основан в III в. до н.э. царями Египта Птолемеем I Сотером и Птолемеем II Филадельфом по инициативе Деметрия Фалерского. Проект Музея тесным образом связан с исследовательской и политической программой Аристотеля, описанной в виде идеального города в его «Политике». Музей представлял собой храм Муз, во главе которого стоял верховный жрец. Он включал Александрийскую библиотеку (подобно тому, как это устроено в современных научных центрах), а также, как полагают, обсерваторию, минералогические коллекции и коллекции медицинских препаратов. В мастерской Герона Александрийского изготавливались сотни сложнейших механических приспособлений. Как и в Ликее, при Мусее создавались коллекции чучел животных и гербарии. Основой для этой деятельности служили сады и зверинец. На протяжении 800 лет Александрийский Музей был крупнейшим религиозным, исследовательским, учебным и культурным центром эллинизма. Здесь под влиянием культа Муз возникло учение неоплатонизма; велись исследования в области натурфилософии, математики, астрономии, географии, медицины, теории музыки, лингвистики и других наук; творили великие ученые — Архимед, Аристарх Самосский, Эрасистрат, Эрастофен, Евклид, Герофил, Гиппарх, Папп Александрийский, Герон Александрийский, философы Филон Александрийский и Плотин, поэты Зенодот Эфесский, Каллимах из Кирены и Феокрит [Поршнев, 2006; Поршнев, 2011]. Являясь частью царского квартала, Музей имел царский характер. Правители Египта пользовались им для собственного удовольствия и государственной пользы.

По образцу Александрийского возникли музеи и храмовые комплексы, посвященные другим богам или обожествляемым императорам, в Антиохии, Пергаме, Риме. В них непременно присутствовали портики, сады, библиотеки, открытые публике коллекции скульптуры и живописи. Свой корабль-музей имел тиран Сиракуз Гиерон. Создавались музеи при виллах римлян (например, Цицерона близ Тускула и Путеол).

В обычай вошло размещение картин на стенах и статуй на площадях. (Эта идея перешла в «Город Солнца» Т. Кампанеллы: «По повелению мудрости, во всем городе стены, внутренние и внешние, расписаны превосходнейшей живописью, в удивительно строгой последовательности, отражающей все науки... Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до

достижения десятилетнего возраста» [Кампанелла, 1954. С. 40–43].) Тогда же, в период поздней Римской республики, возникла дошедшая до наших дней традиция украшать здания и интерьеры библиотек статуями и бюстами знаменитых писателей. Так было и в первой публичной библиотеке Рима, созданной Азинием Поллионом. Подобным же образом были украшены библиотеки в Пергаме, Галикарнасе (Малая Азия), Тимгаде (Северная Африка) и др.

В Европе современному названию «музей» предшествовали другие названия: «студьоло», «студио» в Италии, «кунсткамера», «вундеркамера» или «театр» в странах Центральной и Северной Европы. Термин «музей» (*лат.* museum) в отличие от «музей» (*греч.* museion) распространился в европейских странах начиная с Возрождения. В нем содержалась аллюзия к Александрийскому Мусею как авторитетному научному учреждению античности. Впервые его использовал итальянский ученый-гуманист и епископ Ночерский Паоло Джовио. В 1536–1543 гг. неподалеку от озера Комо он построил дом, специально приспособленный для размещения его коллекции. Зал, посвященный Музам и Аполлону, Джовио назвал музеем. В 1591 г. Джованни Паоло Ломатцо в трактате «О музеях» окончательно оформил представление о музее как о месте, где выставляются произведения искусства и редкие предметы.

Традиционной моделью возникновения музея является собирательство, а основное отличие музея от коллекции состоит в его постоянстве: частная коллекция может быть рассредоточена после смерти владельца или по каким-то внешним обстоятельствам, а музей переживает своих основателей. Еще одно важное отличие — публичный характер музея: музейное собрание предназначено для осмотра при определенных условиях [Семеновкер, 2011. С. 274–282].

В наши дни под влиянием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) все более явно проявляется тенденция сближения практики различных институтов социальной памяти, а нередко и их объединения в составе одного учреждения [Прянишников, 2009]. В этой связи особую ценность приобретает осознание факта синкретического характера архивно-библиотечно-музейного дела в эпоху рукописной коммуникации. Как представляется, *конвергенция институтов социальной памяти* оказывается для архивов, библиотек и музеев не случайным процессом, а возвращением к истокам на новом технологическом уровне.

Глобальный мозг: от метафоры к реальности. Пророк информационного века М. Маклюэн характеризовал переход к электронным средствам коммуникации при помощи термина «*имплозия*», означающего взрыв вовнутрь: «После трех тысяч лет взрывного разброса, связанного с фрагментарными и механическими технологиями, западный мир взрывается вовнутрь, — писал он в 1964 г. — На протяжении механических эпох

мы занимались расширением наших тел в пространстве. Сегодня, когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне — *стадии технологической симуляции сознания* (выделено мной. — Ю.Ч.), когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы» [Маклюэн, 2003. С. 5].

Маклюэн утверждал, что механическая технология разбивает мир на фрагменты, а электрическая вновь собирает его. Поэтому он придавал большое значение появлению телеграфа. Благодаря мгновенной скорости распространения информации уже при передаче телеграфных сообщений образуется состояние всеобщей включенности. В дальнейшем оно усиливается при помощи новых коммуникационных средств: телефона, радио, телевидения и компьютера. Рождаясь, каждый человек как будто подключается к *мировой информационной сети*, основу которой составляет энергия электромагнитного поля. «Сегодня мы живем в Эпоху Информации и Коммуникации, поскольку электрические средства коммуникации мгновенно и непрерывно создают тотальное поле взаимодействующих событий, в котором участвуют все люди. Теперь мир публичного взаимодействия обладает такой же инклюзивной всеохватностью интегральной взаимной игры, которая до сих пор характеризовала только наши частные нервные системы. А все потому, что электричество по своему характеру органично и через свое технологическое применение в телеграфе, телефоне, радио и других формах подтверждает органическую социальную связь. Одновременность электрической коммуникации, характерная также для нашей нервной системы, делает каждого из нас наличным и доступным для любого другого человека в мире» [Там же. С. 282].

Этот взгляд на электричество как на своего рода универсальную субстанцию не случаен. Достаточно вспомнить Ж. Верна, считавшего электричество «первоосновой Вселенной», и отца Павла Флоренского, ставившего его в один ряд с одом (жизненной силой) и астралом [Геллер, 2006]. «Маг электричества» Н. Тесла полагал, что электромагнитные явления связаны с мировым эфиром [Тесла, 1891]. Подобно им, Маклюэн видел в электричестве основу, которая в будущем сможет объединить все человечество.

Как известно, Маклюэн воспринимал всемирную историю сквозь призму эволюции средств коммуникации и выделял в ней четыре периода: эпоху дописьменного варварства, тысячелетие фонетического письма,

«Гутенбергову галактику» (пять сотен лет печатной техники) и «Галактику Маркони» — современную электронную цивилизацию. В более общем смысле эту концептуальную схему можно представить как движение от первоначальной гармонии («человек слушающий») к нарушению коммуникативного баланса («человек смотрящий») и восстановлению гармонии на новом уровне (синтез «человека слушающего» и «человека смотрящего»). А.В. Соколов характеризует последнюю стадию следующим образом: «Окружающая реальность снова предстает в своей живой конкретности, а человек получает иллюзию соучастия в текущих событиях. К людям возвращается “сенсорный баланс” эпохи дописьменной коммуникации. Электронные технологии общения способствуют слиянию мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, создают предпосылки для целостного развития личности. “Электронная галактика” влечет “ретрибализацию” существующих обществ и на новой технологической основе воспроизводит “первобытное единство коллективного сознания”, превращая нашу планету в единую “глобальную деревню”. В этой “деревне” не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов» [Соколов, 2014. С. 245–246].

И хотя гармонии в информационном обществе пока не наблюдается, исходная схема сохраняет смысл, если понимать ее несколько иначе: *единство — разделение — восстановление единства*. Такой подход при исследовании феномена Интернета в контексте макроэволюционной динамики культуры реализует российский философ и культуролог А.А. Пелипенко. По его мнению, в древности наши предки обладали *всеобщей симпатической связью* друг с другом и с окружающим миром. Именно ее отчасти сознательно, но главным образом бессознательно пытается восстановить современный пользователь информационных технологий: «Утверждение, что пребывание в виртуальной реальности выступает эффективнейшей и наиболее технологически доступной формой трансцендирования, звучит абстрактно, однако свидетельства психиатров, фиксирующих растущее число умственных расстройств на почве “компьютерной интоксикации”, служат ему подтверждением. Не надо быть искушенным антропологом, чтобы понять, что личная страничка в Сети есть не что иное, как своеобразный магический двойник (душа, alter ego) современного стихийного неоязычника в запредельном/виртуальном мире, границы которого столь же проницаемы, сколь проницаемы были для архаика границы, отделявшие его от мира духов» [Пелипенко, 2014. С. 88–89].

Общеисторическая логика развития человеческой ментальности и культуры может быть представлена как нарастающая динамика удаления от естества до некоторого предела, за которым следует возвращение к естеству на новом уровне. С момента возникновения сознания и разрыва

всеобщей связи с миром главной потребностью человека стало стремление восстановить эту связь. Однако каждый акт единения оборачивался новым отчуждением. Так был запущен «вечный двигатель» параллельного эволюционирования культуры и ментальной сферы человека.

Для того чтобы приступить к реконструкции всеобщей связи, нужно было познать предел противоположного — дробности элементов сущего и самих форм мышления. К нему была устремлена *логоцентрическая парадигма культуры*, утвердившаяся у «осевых» народов и распространившаяся на большую часть человечества. Жизненный цикл этого глобального периода истории составляли: отделение мифа от ритуала, возникновение письменности, утверждение логоцентризма в монотеистических религиях спасения, изобретение книгопечатания и, наконец, информационная революция современности. Попытки припасть к Единому путем опрощения и архаизации ментальных форм к успеху не привели, поскольку синкретические связи никогда не восстанавливаются в первоначальном виде, а духовная энергия «припадения к истокам» была использована развивающимся логоцентризмом в собственных целях — для интеллектуального конструирования образа духовного Абсолюта. Апофеозом логоцентризма в европейском культурном ареале стало Новое время с его рационализмом, сциентизмом, механицизмом и другими атрибутами мышления просвещенного европейца. Все они отражали глубинную бессознательную установку на аналитическое отношение к реальности, побуждающую к бесконечному разделению любых целостностей в попытках ухватить последние неделимые основы сущего.

Ряд цивилизационных кризисов XIX—XX вв. поставил вопрос о завершении логоцентрического этапа истории и глобального поворота к *неосинкретизму*. Последний был реализован не только на уровне религии, философии и искусства, но и в виде формирования нового типа культурного сознания — Новой естественности. Он представлен субъектом экранной революции, «клиповое сознание» которого мозаично, текуче, ориентировано на краткосрочные процессы и процедуры. В отличие от человека Слова, ментальность человека Цифры отмечена всеохватным релятивизмом (в том числе и моральным), ситуативностью, прагматизмом, распыленностью смыслов и условностью любых ценностей. Его стихия — Интернет, впервые в истории западной культуры обозначивший дискурс Сущего в противоположность дискурсу Должного. В Глобальной сети Сущее с его спонтанностью, ненормативностью и «неправильностью» вышло за границы культурных регуляций и обрело право голоса [Там же. С. 88—94].

Интернет стал *искусственным аналогом всеобщей связи*, сконструированным человечеством в момент предельного измельчения и дискретизации образа реальности, когда без него было уже невозможно обойтись. «Как известно, человечество ставит перед собой лишь те задачи, которые

способно решить. И, добавим, решить в ответ на глубинные и часто неосознанные потребности. Возможности сегодняшнего Интернета соответствуют лишь началу новой неосинкретической эпохи, рифмующейся “через голову” эпохи логоцентризма с доосевым временем. Глобальная сеть — это пока еще именно сеть, а не сплошное полевое пространство всеохватной связи. Но вектор развития явственно направлен в эту сторону, и преобразование Сети в глобальное (а не только информационное) поле универсальной связи, вероятно, будет осуществляться в обозримом будущем» [Там же. С. 94]. Можно предположить, что глобальное поле универсальной связи — то же самое, что математик и философ В.В. Налимов называл *континуальными потоками сознания* [Налимов, 1976; Налимов, 1989], а один из основателей отечественной информатики Ф.Е. Темников — *синхронными полями общения* [Темников, 1983; Волкова, 2013].

Исследования, посвященные моделированию и пониманию Интернета, позволили получить результаты, свидетельствующие о его *неслучайности*. Выяснилось, что Глобальная сеть живет и эволюционирует подобно тому, как идет размножение и эволюция живых организмов. Динамика роста и топология Сети отвечают степенным зависимостям, характерным для существования сложных физических и биологических систем Вселенной. «Поведение Сети примерно того же типа, что и поведение электромагнитных полей, галактик, процессы вызревания и развития растений. По мнению исследователей, причины такого поведения кроются в том, что количество ссылок на очень многих Web-страницах в десятки раз превосходит среднесетевое значение — семь ссылок на другие страницы и ресурсы. И именно это “генетическое” свойство контента исключает Интернет из числа объектов, с достаточной точностью описываемых простыми моделями» [Гордиенко, 2000].

В Европе и США в рамках эволюционной эпистемологии и эволюционной кибернетики активно развивается направление, которое рассматривает Всемирную паутину как прообраз будущего *коллективного интеллекта*, философски и научно предсказанного в виде концепции *ноосферы* Э. Леруа, П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским. Три важные работы на эту тему появились уже в середине 1990-х гг. — статья Г. Майер-Кресса и К. Барццис «Глобальный мозг как структура, развивающаяся из всемирной компьютерной сети, и последствия этого вывода для моделирования», статья Ф. Хейлигена и Й. Болена «Всемирная паутина как супермозг: от метафоры к модели», книга П. Рассела «Глобальный мозг пробуждается: наш следующий эволюционный скачок» [Mayer-Kress, Barczys, 1995; Heylighen, Bollen, 1996; Russell, 1995]. Сотрудник Свободного университета Брюсселя (Бельгия) Ф. Хейлиген и его аспирант Й. Болен были первыми, кто предложил алгоритмы, способные превратить Интернет в самоорганизующуюся, обучающуюся сеть, представляющую коллективный интеллект,

т.е. глобальный мозг человечества. В статье 2007 г. «Глобальный супер-организм: эволюционно-кибернетическая модель формирующегося сетевого общества» [Heylighen, 2007] Хейлиген представил взгляд на общество как суперорганизм [Суперорганизм]. Он предложил подходы к изучению эволюционных механизмов, лежащих в основе этого движения, а также их приложения к текущим и будущим событиям в глобализирующемся мире. В настоящее время под его руководством разрабатывается математическая и имитационная модель коллективного интеллекта в Институте глобального мозга, основанном в 2012 г. при Свободном университете Брюсселя [The Global Brain Institute]. Другими известными центрами, работающими над проблемой коллективного интеллекта, являются сетевой проект FuturICT, Центр коллективного интеллекта Массачусетского технологического института (Бостон, Массачусетс, США), проект «Миллениум», Международный институт когнитивной информатики и когнитивного компьютеринга при Университете Калгари (Калгари, Канада), Университет сингулярности, Институт человеко-компьютерного взаимодействия при Университете Карнеги-Меллон (Питсбург, Пенсильвания, США).

Постепенно, в том числе и в нашей стране, разворачивается практическая работа в этом направлении. В Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. сформулирована задача создания Национальной технологической инициативы (НТИ) [Национальная технологическая инициатива] — государственной программы мер по поддержке развития в России отраслей, которые в течение следующих 20 лет могут стать основой мировой экономики. Одним из наиболее перспективных проектов, разрабатываемых в рамках НТИ, признан проект «Нейронет» по созданию распределенных искусственных компонентов сознания и психики. Его возглавляют А.А. Иващенко, председатель совета директоров группы компаний «ХимРар», и Л.М. Огородова, заместитель министра образования и науки России.

«Следующая технологическая революция будет связана с нейротехнологиями и кардинальным увеличением производительности умственного труда за счет интеграции мозга человека и вычислительных машин. Стремительное развитие этого направления начнется после завершения расшифровки (картирования) работы мозга, по аналогии с биотехнологической революцией, которая стартовала после расшифровки генома человека.

НейроНэт (так в источнике. — Ю.Ч.) станет следующим этапом развития нынешнего Интернета (Web 4.0), в котором взаимодействие участников (человек — человек, человек — машина) будет осуществляться с помощью новых нейрокомпьютерных интерфейсов, в дополнение к традиционным методам, а сами компьютеры станут нейроморфными (похожими на мозг) на основе гибридных цифроаналоговых архитектур. Прогнозируется

появление социальных нейросетей и полноценного гибридного человеко-машинного интеллекта.

Применение нейротехнологий в области образования позволит резко увеличить объем и скорость усвоения новых знаний, при этом развитие таких технологий, как нейрофитнес и модуляция памяти, приведет к возможности многократного усиления когнитивных способностей.

В области медицины появятся технологии, позволяющие использовать искусственные конечности и дополнительные органы чувств, которые к 2035 г. разовьются в доступное для массового потребителя нейроуправление бытовым пространством. При этом уже в десятилетней перспективе ожидается появление эффективных таргетных биомаркеров и препаратов, позволяющих лечить различные возрастные деменции, включая болезнь Альцгеймера и болезнь Паркинсона. А через двадцать лет возможно открытие генных и клеточных технологий коррекции мозга» [Аннотация к плану мероприятий («дорожной карте») по развитию рынка НейроНэт Национальной технологической инициативы].

Согласно прогнозу, к 2020 г. размер новых сегментов рынка Нейронета достигнет 100 млрд долларов США, а после 2025 г. ожидается его экспоненциальный рост до 1,8 трлн долларов США в 2035 г. [Там же].

Общую координацию проекта «Нейронет», как и других перспективных проектов, осуществляет созданная Правительством России автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив» (АСИ); председатель его наблюдательного совета В.В. Путин 21 июля 2016 г. принял участие в работе Форума стратегических инициатив в Москве [Около двухсот передовых проектов поддержало за пять лет существования Агентство стратегических инициатив, 2016], посвященного формированию концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2035 г. [Форум стратегических инициатив, 2016].

23–24 июля 2016 г. в Москве на территории центра дизайна «ARTPLAY» состоялся фестиваль науки и высоких технологий «Напо-город» (организатор — коммуникационное агентство «You Know» при поддержке Департамента культуры г. Москвы, благотворительного фонда «За словом дело» и Дома культуры «Гайдаровец»). В анонсе указывалось, что насыщенная программа подойдет любому, независимо от возраста и сферы деятельности: «Восемь секций будут работать для гостей, которые смогут отправиться в ROBO-кафе, чтобы попробовать напо-латте и космическую еду астронавтов, потом — на сеанс в ROBO-кино, чтобы посмотреть самые зрелищные фильмы о роботах и технологиях. Или — на ROBO-ринг, где меряются силами железных мускул самые современные роботы! В это время дети могут повеселиться в специальной ROBO-зоне для маленьких или попробовать себя в роли ученых в NANO-институте.

Кроме того, в городе будущего есть РОБО-библиотека, в которой ученые, писатели-футурологи, историки, космонавты и летчики-испытатели будут делиться опытом и знаниями; NANO-маркет, с аттракционами виртуальной реальности и различными высокотехнологичными гаджетами, 3D-оборудованием и новейшим программным обеспечением; РОБО-клуб, где музыканты играют на напечатанных на 3D-принтере инструментах; интерактивные площадки из фруктов и множество других интересных площадок, научных шоу и инсталляций для детей и взрослых» [Фестиваль «Напо-город», 2016]. Так новые технологии проникают в общество и становятся его достоянием.

В октябре 2014 г. на экспертном семинаре Российской венчурной компании профессор бизнес-школы Сколково, директор Global Education Futures П. Лукша, представляя проект «Дорожная карта развития Нейронета» [Митин, 2014], выделил три этапа движения к нему: 1) Биометринет (пред-Нейронет) – с 2014 по 2024 г.; 2) зарождение Нейронета – с 2025 по 2035 г.; 3) возникновение полноценного Нейронета – после 2035 г. К глобальным трендам, ведущим к Нейронету, он отнес: 1) *оестествление технологий* (возникновение «бесшовных» интерфейсов между естественными функциями тела и сознания и технологическими решениями); 2) *увеличение возможностей тела и сознания* (создание протезов, кибертел, искусственных органов чувств, усиленного интеллекта, экзокортекса на основе искусственного интеллекта); 3) *«оживление» техносферы* (появление Интернета вещей и «умных» сред, искусственного интеллекта в управлении и образовании, искусственных агентов, которые копируют и заменяют психические функции) и 4) *усиление влияния сетевой культуры* (коллективной, горизонтальной, ориентированной на сложность, построенной на эмерджентных эффектах) [Luksha, 2014].

Предполагается, что ближайшая реальность Нейронета – Биометринет будет выглядеть к 2020 г. следующим образом. Широко распространятся носимые биометрические устройства. Получаемые с них данные активно станут использоваться в здравоохранении и играх, направленных на изменение поведения. Нейромаркетинг через BigLiveData сформирует цифровые модели индивидуального поведения. Биометрия начнет применяться в образовании (обучение корректируется с учетом биометрических данных), использоваться для обучения управлению состояниями сознания. Появятся протезы, контролируемые напрямую нервной системой. Пройдут первые эксперименты по созданию групп, связанных нейроинтерфейсами. Возникнут семантический Интернет, интерфейсы «мозг-компьютер», построенные на моделях естественной вербальной и невербальной коммуникации [Там же].

Биометрическое будущее гораздо ближе к каждому из нас, чем можно себе представить. О готовности внедрить систему биометрической иденти-

фикации клиентов в течение двух-трех лет недавно заявил глава Сбербанка Г. Греф: «У нас сейчас рассматривается целый ряд подходов к вопросам безопасности. Например, такие как voice recognition (идентификация по голосу) и image recognition (идентификация по внешности). Эти решения, которые доводят точность идентификации до 99,9%, находятся в высокой степени готовности. <...> Это не только защита от мошенничества, но и удобство. Не нужно никуда ездить, не нужно документов, чтобы мы идентифицировали ваш голос для совершения любой операции. В нашей новой платформе «18+» заложен функционал идентификации клиентов по ладони. Мы сейчас все больше и больше банкоматов закупаем с биометрией. Соответственно, как таковая карта, основная задача которой состоит в идентификации, уходит в прошлое. После внедрения платформы «18+», а оно планируется к 2018 году, частота использования карты как инструмента платежа начнет резко снижаться. Банкинг изменится драматически» [Каледина, 2016]. Как уточнили в пресс-службе Сбербанка, идентификация клиентов по голосу планируется в масштабах всего банка, она будет доступна во всех регионах и всем клиентам по их желанию. По данному направлению большая часть тестов уже проведена. Как выяснилось, для внедрения новых способов идентификации не существует юридических препятствий. «По словам директора юридической группы “Яковлев и партнеры” Анастасии Рагулиной, новый способ полностью вписывается в действующее российское законодательство. Она отметила, что при заключении договора банк с согласия клиента может включить пункт об использовании личных данных клиента, к которым в том числе относятся внешность и голос. В частности, это предусмотрено ст. 11 закона “О персональных данных”» [Там же].

Несколько иная, чем у П. Лукши, периодизация эволюции Нейронета изложена в аналитическом докладе 2015 г. «Подходы к формированию и запуску новых отраслей промышленности в контексте Национальной технологической инициативы, на примере сферы “Технологии и системы цифровой реальности и перспективные «человеко-компьютерные» интерфейсы (в части нейроэлектроники)”». Здесь первый этап (ростки будущей сети) — 2015—2020 гг., второй (пролог Нейронета) — 2020—2030 гг., третий (полноценные очаги Нейронета) — 2030—2040 гг., четвертый (Нейронет охватывает область коммуникаций целиком) — после 2040 г. [Там же]. Впрочем, периодизации расходятся незначительно: разница не превышает пяти лет.

Предстоящее вхождение в нейросреду и технологическое овладение процессами нейрокоммуникаций сопряжено со множеством рисков. К их числу относят: 1) нейрохакинг — взлом сетей Нейронета с нанесением вреда человеческому телу и сознанию, распространение специфических вирусов; 2) угрозу внешнего управления людьми (в том числе со стороны искус-

ственного интеллекта), нарушение неприкосновенности частной жизни; 3) изменение человеческой сущности, превращение людей в биороботов; 4) расслоение человечества, превращение элиты в новый биологический вид сверхлюдей [Нейронет].

Поэтому естественно, что у Нейронета есть не только сторонники, но и противники. Г.И. Царева, общественный деятель и создатель критических фильмов о влиянии высоких технологий на общество, называет проект «Нейронет» *дорожной картой уничтожения человечества*. «Само понятие “Нейронет” подразумевает появление интерфейса — соединение мозга человека и компьютера, представляющего собой систему передачи электрических импульсов от нервной системы человека к электронному устройству и обратно. Это всемирная система объединенных сетей (интернет документов, интернет людей, интернет вещей, интернет живых систем), в которых коммуникация и совместная деятельность осуществляется с использованием инструментов нейрокоммуникации. Основная идея “Нейронета” — это идея глобального, коллективного мозга, связь психики разных людей, обмен сенсорным и эмоциональным опытом напрямую: человек будет воспринимать мысли, ощущения и эмоции других людей. В ближайшем будущем популярными станут нейроигры, когда будет возможным глубоко погружать человека в виртуальные миры и достигать эффекта слияния с ними; разработка систем телеприсутствия, нейропротезирования и моделирования мозга; изучение сознания и способов переноса “Я” человека на небиологический субстрат — искусственное тело, а также возможность достигать измененных состояний сознания, симулируя не только зрительные и звуковые, но и тактильные переживания, при этом станет возможным размывание границ между физической и цифровой реальностью — такова цель “Нейронета”» [Царева].

К 2020 г. будут созданы интерфейсы для управления объектами интернет вещей, в том числе и роботами. «Умные вещи» наполнят не только внешнюю среду, но и тела людей. Количество физических объектов, подключенных к Интернету, возрастет до 50 млрд. Интернет вещей в реальном времени позволит зафиксировать в Сети данные о перемещении стула по кухне или о пищевых привычках домашнего кота. Уже получила экспериментальное подтверждение возможность связать непосредственно два мозга коммуникационным каналом и передавать по нему сообщения. В ближайшем будущем появятся интерфейсы для общения высших видов животных (китообразных, собак, лошадей, обезьян и др.), что позволит развивать их психические функции и даст им возможность вербально коммуницировать с людьми. Мозг человека может быть «связан» с мозгом любого животного и не только перенимать его ощущения, но и получать присущие им дополнительные свойства тела.

По мнению Г.И. Царевой, Нейронет — орудие в руках глобализаторов, при помощи которого они добиваются тотальной власти над человечеством. «В наших обществах навязывается представление, что тело и человек — это сырье, которое может быть изменено: ими можно манипулировать, чтобы восстанавливать функции, которые были утрачены, или приобретать новые, еще не известные, о которых можно только догадываться. Формировать же сознание и восприятие человека будут не машины, а те, кто стоит за ними. К сожалению, человечество пока не осознало, что когда произойдет соединение электронных устройств с нервной системой человека и он будет осознавать свое единство с “машиной”, то это уже будет практическим воплощением в жизнь одного из условий превращения его в “новое эволюционное существо”, а по сути — в киборга.

Это все не фантастика и футурология, а жесткая реальность наших дней. Главная цель всего этого процесса — это изменение человека как такового и превращение его в некий искусственный биообъект, который будет лишен свободной воли и станет послушной марионеткой в руках правящей элиты, которого можно будет уничтожить в любой момент, пошлав на чип определенный сигнал» [Там же].

Ставшая реальной угрозой эволюционного «схлопывания» истории человечества обсуждается в России на самом высоком уровне. Выступая 30 сентября 2015 г. в рамках проекта «Время эксперта» перед членами Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» член-корреспондент РАН М.В. Ковальчук отметил, что сегодня доминантой мировой политики стала борьба за истощающиеся ресурсы. Военная колонизация сменилась технологическим порабощением, а лидерство обеспечивается технологическим превосходством [Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 года]. Как и Г.И. Цареву, М.В. Ковальчука беспокоит возможность направленного вмешательства в процесс эволюции человека с целью подчинения масс элите: «И цель — создать принципиально новый подвид **Homo sapiens** — служебного человека. <...> Свойство популяции служебных людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит. Вторая вещь — управление размножением, и третья вещь — дешевый корм, это генно-модифицированные продукты. И это тоже уже все готово. Значит, фактически сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвидов людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять» [Там же].

Создание Глобального мозга на основе нейрокоммуникации (планетарного Соляриса) [Дзялошинский, 2012] — одна из задач, которую че-

ловечеству предстоит решать в ближайшем будущем. Судя по всему, сама ее постановка не случайна и predeterminedена фундаментальными закономерностями метаэволюции систем неживой, живой и социотехнологической природы [Гринченко, 2007; Щапова, 2011; Гринченко, Щапова, 2013; Гринченко, 2014]. Овладение нейросредой будет осуществляться при помощи технологий *улучшения человека* (Human Enhancement) [Улучшение человека] в рамках концепции *трансгуманизма*, получившей организационное оформление во второй половине 1990-х гг. [Трансгуманизм]. В новой технологической гонке, на очередном витке повторяющей процесс создания ИКТ в 1980–1990-е гг. [Черный, 2014(а); Черный, 2014(б); Черный, 2016], участвуют США, страны Европейского союза, Япония, Китай и Россия (проект «Нейронет» в рамках Национальной технологической инициативы, деятельность Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта, проект «Россия 2045» и др.). В нашей стране исследования в области нейрокоммуникаций проводят Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Институт медико-биологических проблем РАН, Институт мозга человека им. Н.П. Бехтерева РАН, Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН, НБИКС-Центр НИЦ «Курчатовский институт», лаборатория нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, НИИ нейрокибернетики им. А.Б. Когана Южного федерального университета [Нейронет].

Так в общих чертах выглядит контекст развития глобальной информационной среды на следующую четверть века — примерно до 2040 г. Как представляется, трансформация традиционных институтов социальной памяти, возникших и сформировавшихся в письменную эпоху (архивов, библиотек и музеев), будет осуществляться в его рамках.

Заключение. Э. Тоффлер убедительно показал, что секрет успеха индустриальной цивилизации заключался в ее системном характере. Шесть взаимосвязанных принципов (стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация) образовали уникальный внутренний план, пронизывавший все стороны человеческой жизни. В наши дни скрытый код индустриализма разрушается и меняется на новый. Люди Второй волны инстинктивно используют и защищают старые принципы, тогда как люди Третьей волны бросают им вызов.

Новый постиндустриальный мир будет сформирован в пределах жизни двух-трех ближайших поколений. Такого темпа изменений мировая история еще не знала. «Первая волна перемен — сельскохозяйственная революция — потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна — рост промышленной цивилизации — заняла всего лишь 300 лет.

Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне вероятно, что Третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий. Те, кому довелось жить на нашей планете в этот взрывной период, в полной мере почувствуют влияние Третьей волны на себе» [Тоффлер, 1980].

В условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира идея *единого планетарного сознания* наполнилась реальным содержанием. Ее носителями стали работники транснациональных корпораций, защитники окружающей среды, финансисты, революционеры, интеллектуалы, поэты и художники. Подобно тому, как в свое время национализм говорил от лица нации, глобализм выступает от лица всего мира. Его появление представляется эволюционной необходимостью — ступенью к «космическому сознанию», охватывающему не только Землю, но и Вселенную [Там же].

Зарождение ноосферы произошло около 100 000 лет назад при переходе в процессе эволюции от *homo erectus* («человека прямоходящего») к *homo sapiens* («человеку разумному»). Особенно активное развитие сферы генерации, систематизации, хранения, воспроизведения и распространения знаний наблюдается в наши дни. «Если механизм человеческой памяти за все прошедшие тысячелетия и претерпел незначительные изменения, постепенно совершенствуясь, но не меняясь в принципе, то фиксация знаний в ноосфере претерпела за то же время значительные изменения, пройдя путь от наскальных рисунков и каменных фигурок первобытного человека (15–20 тыс. лет назад), надписей на стенах храмов и глиняных дощечек периода древних цивилизаций (5 тыс. лет назад) до нынешних библиотек с энциклопедиями, толковыми словарями, учебниками и сочинениями лучших мыслителей всех времен и народов. К новейшим формам фиксации знаний относятся электронные носители информации. С появлением Интернета ноосфера вступила в новую стадию своего развития, при которой воспроизведение и распространение знаний будет приобретать все более широкие масштабы и происходить на более высоком и качественном техническом уровне» [Кондрашин, 2003].

В постиндустриальную эпоху работники архивной, библиотечной и музейной сфер будут вынуждены периодически возвращаться к проблеме нахождения разумного баланса между традициями своих отраслей, с одной стороны, технологическими и социальными новациями — с другой, достижениями наук (исторической науки в том числе) — с третьей. Как добиться того, чтобы быть современным и при этом сохранить идентичность, постоянно меняться — и остаться самим собой? Представляется, что зрелый ответ на этот вопрос возможен при учете закономерностей развития глобальной информационной среды.

Библиография

Аналитический доклад «Подходы к формированию и запуску новых отраслей промышленности в контексте Национальной технологической инициативы, на примере сферы “Технологии и системы цифровой реальности и перспективные «человеко-компьютерные» интерфейсы (в части нейроэлектроники)”». М., 2015. 78 с. Режим доступа: <http://asi.ru/nti/docs/Doklad.pdf>

Аннотация к плану мероприятий («дорожной карте») по развитию рынка НейроНет Национальной технологической инициативы. Режим доступа: <http://asi.ru/nti/docs/NeuroNet.pdf>

Волкова В.Н. Информатика: семь идей профессора Ф.Е. Темникова. Текст доклада на 14-м заседании семинара «Методологические проблемы наук об информации» (Москва, ИНИОН РАН, 28 ноября 2013 г.). Режим доступа: http://inion.ru/files/File/MPNI_14_Volkova_V_N_Doklad.pdf

Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб.: Профессия, 2002. 352 с.

Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 г. // Троицкий вариант – Наука. 8 октября 2015 г. Режим доступа: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf>

Геллер Л. «Органопроекция»: в поисках очеловеченного мира // Звезда. 2006. № 11. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/11/ge17.html>

Гордиенко И. К вопросу об организмах // Компьютерра. № 37 (366). 2000. 24 октября. С. 18. Режим доступа: <http://www.kinnet.ru/cterra/366/5139.html>

Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИ РАН, «Мир», 2007. 456 с. Электронная версия книги доступна по адресу: http://www.ipiran.ru/grinchenko/book_2/text.shtml

Гринченко С.Н. Проблемы эволюции человека в информационном обществе // Сборник материалов XVI конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий (г. Дубна, 21–22 октября 2013 г.). М.: Фонд Андрея Первозванного, 2014. С. 274–282. Электронная версия доступна по адресу: http://www.inion.ru/files/File/NFR_Dubna-2013_Sbornik.pdf

Гринченко С.Н., Шапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества. М.: Новые технологии, 2013. 32 с. (Приложение к журналу «Информационные технологии». № 8/2013). Электронная версия доступна по адресу: http://www.ipiran.ru/grinchenko/Ip813_web.pdf

Дзялошинский И.М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2012. 422 с.

Каледина А. Сбербанк опознает клиентов по голосу. Крупнейшая кредитная организация страны внедряет систему, которая сделает банковские карты фактически ненужными // Известия. 26 мая 2016 г. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/615407>

Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. и коммент. Ф.А. Петровского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 227 с.

Кондрашин И.И. Ноосфера // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. С. 705.

Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле,

2003. 464 с. Электронная версия книги доступна по адресу: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf

Маяковский И.Л. Архив, библиотека и музей // Мир библиографии. 1998. № 4. С. 50–55.

Митин В. Нейронет (NeuroWeb) станет следующим поколением Интернета // PC Week. Идеи и практики автоматизации. 17.10.2014. Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/idea/blog/idea/7022.php>

Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Тбилисский ун-т, 1976. 83 с.

Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.

Национальная технологическая инициатива. Программа мер по формированию принципиально новых рынков и создания условий для глобального технологического лидерства России к 2035 г. Режим доступа: <http://asi.ru/nti>

Нейронет // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нейронет>

Около двухсот передовых проектов поддержало за пять лет существования Агентство стратегических инициатив // Новости Первого канала. 21 июля 2016 г. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2016/07/21/306522-okolo_dvuhсот_pere_dovyh_proektov_podderzhalo_za_pyat_let_suschestvovaniya_agentstvo_strategicheskikh_initsiativ

Пелипенко А.А. Феномен Интернета в контексте макроэволюционной динамики культуры // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции (Южно-Сахалинск, 8–12 сентября 2013 г.) / Сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: МЦБС, 2014. С. 88–94. Электронная версия сборника доступна по адресу: http://mcbs.ru/files/sakhalin2013_web.pdf

Поршнев В.П. Музей в культурном наследии античности. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. 264 с.

Поршнев В.П. Сакаральное пространство Александрийского Музея: этапы формирования // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 47–56.

Прянишников Н. LAMBRARY или БАМТЕКА: Библиотека, включающая архив и музей // 60 параллель / 60 parallel. 2009. № 1 (32). С. 28–37. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/60_parallel/32/04.pdf

Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество. М.: Пашков дом, 2007. 141 с.

Соколов А.В. Социальные коммуникации: учеб. для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 071900.62 «Библиотечно-информационная деятельность» / Науч. ред. Г.В. Михеева. СПб.: Профессия, 2014. 288 с.

Столяров Ю.Н. Крупный вклад в представление об эволюции документа. Рец. на кн.: Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество / Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2007. 141 с.; *Он же.* Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Ч. 1. / Б.А. Семеновкер; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2009. 245 с. // Научные и технические библиотеки. 2009. № 8. Режим доступа: <http://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?art=9&journal=ntb&num=8&year=2009>

Суперорганизм // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Суперорганизм>

Темников Ф.Е. Синхронные поля общения // Труды МЭИ. Вычислительные сети коллективного пользования: Тематич. сб. Вып. 603. М.: МЭИ, 1983. С. 55–58.

Тесла Н. О природе электричества. Выдержки из лекции Никола Тесла, прочитанной им перед студентами Колумбийского электротехнического университета 20 мая 1891 г. (Essential notes by Nicola Tesla about the possible Nature of the Electricity & also about his own work at this field). Режим доступа: <http://www.bourabai.kz/tesla/electricity.htm>

Тоффлер Э. Третья волна. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/243888-tretya-volna.html>

Трансгуманизм // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Трансгуманизм>

Улучшение человека // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Улучшение_человека

Фестиваль «Nano-город» // Центр дизайна «ARTPLAY». Режим доступа: <http://www.artplay.ru/events/festival-nano-gorod.html>

Форум стратегических инициатив. 21–22 июля 2016. Москва, ВДНХ. Режим доступа: <http://asi.ru/forum>

Царева Г.И. Нейронет – дорожная карта уничтожения человечества // Московское областное отделение Коммунистической партии Российской Федерации. Режим доступа: <http://mkkprf.ru/15500-neuronet-dorozhnaya-karta-unichtozheniya-chelovechestva.html>

Черный А.И. Александрыйский музейон и его библиотека – восьмое чудо света // Международный форум по информации. 2006. Т. 31, № 3. С. 3–17.

Черный Ю.Ю. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) как инструмент геополитической экспансии развитых государств // Сборник материалов XVI конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий (г. Дубна, 21–22 октября 2013 г.). М.: Фонд Андрея Первозванного, 2014(а). С. 56–69. Электронная версия доступна по адресу: http://www.inion.ru/files/File/NFR_Dubna-2013_Sbornik.pdf

Черный Ю.Ю. Размышления об информационном обществе // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции (Южно-Сахалинск, 8–12 сентября 2013 г.) / Сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: МЦБС, 2014(б). С. 46–60. Электронная версия доступна по адресу: http://mcbs.ru/files/sakhalin2013_web.pdf

Черный Ю.Ю. Шестая волна технологических инноваций: от информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) к конвергентным нано-био-инфо-когнитивным (НБИК) технологиям. Текст доклада на 25-м заседании совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации» (г. Москва, ИНИОН РАН, 25 февраля 2016 г.). Режим доступа: [http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyyu_Yu_Yu_Doklad\(1\).pdf](http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyyu_Yu_Yu_Doklad(1).pdf)

Шапова Ю.Л. Материальное производство в археологическую эпоху. СПб.: Алетейя, 2011. 236 с.

Heylighen F. The Global Superorganism: an evolutionary-cybernetic model of the emerging network society // Social Evolution & History. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 58–119. Перевод на русский язык доступен по адресу: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/super/index.ru.html>

Heylighen F., Bollen J. The World-Wide Web as a Super-Brain: from metaphor to model // Cybernetics and Systems '96. R. Trappl (ed.). Austrian Society for Cybernetics, 1996. P. 917–922.

Luksha P. Russian version of NeuroWeb Foresight (results of the roadmap design by group of ca. 100 researchers, producers & practitioners around cognitive technologies). Режим доступа: <http://www.slideshare.net/PavelLuksha/neuroweb-foresight-results-vmar2014-russian-version>

Mayer-Kress G., Barczys C. The Global Brain as an Emergent Structure from the Worldwide Computing Network, and its Implications for Modelling // The Information Society. 1995. Vol. 11. No. 1. P. 1–28.

Russell P. The Global Brain Awakens: Our Next Evolutionary Leap. Miles River Press, 1995.

The Global Brain Institute. Режим доступа: <https://sites.google.com/site/gbialternative1/home>

УДК 025:004

A.B. Sokolov, A.V. Sokolov

ДОКУМЕНТОСФЕРА КАК ПРОСТРАНСТВО СИНТЕЗА МУЗЕЯ, БИБЛИОТЕКИ, АРХИВА

Documentosphere as a space of museum, library, archive synthsis

Аннотация: исторически сложившаяся документосфера включает архивное, книжное, музейное дело, однако архивоведение, документоведение, книговедение, музееведение, библиотековедение развиваются обособленно и различным образом трактуют понятие «документ». Для практического сотрудничества и научной интеграции отраслей документальной коммуникации необходимо осознание их сущностного единства в качестве различных явлений документосферы. В статье показаны возможные направления межнаучного взаимодействия в процессе исследования документосферы.

Abstract: the historical documentosphaera includes archiving, book business, museum. Archival, records management, bibliography, museology developed separately and in different ways interpret the concept of “document”. For practical cooperation and integration of the scientific branches of documentary communication it is need an awareness of their essential unity as various phenomena of documentosphaera. Article submissions indicate possible areas of cooperation in the process interscience research of documentosphaera.

Ключевые слова: архивоведение, документоведение, документосфера, книговедение, музееведение, библиотековедение, научная интеграция, сотрудничество, коммуникация, синтез.

Keywords: archival, records management, documentosphaera, bibliography, museology, scientific integration, cooperation, synthesis, communication, librarianship.

Документосфера — неологизм, редко встречающийся в научных текстах. Лишь в одном словаре-справочнике удалось обнаружить дефиницию: «*Документосфера* — сфера обращения документализованной информации. Характеризует состояние, качество документальной памяти человечества. Включает такие коммуникационные явления, как: документальный поток, документальный массив, документальный ресурс, документальный фонд, документальная информация; процессы: документирование, документография, документализация, документальное обслуживание и др.» [Ильганаева, 2009. С. 83]. Упрощая приведенную формулировку, назовем документосферой ту область социально-культурного пространства, где создаются, передаются, хранятся и используются сообщения смысловой коммуникации, именуемые «документы».

В XVIII в., веке Просвещения, слово «документ» отсутствовало в русской лексикографии. Об этом свидетельствует тот факт, что Российская академия, главными задачами которой были «сочинение грамматики и словаря» и изучение древнерусских литературных памятников, не нашла в «Словаре Академии Российской, производным порядком расположенном», вышедшем в 1789–1794 гг. в 6 томах и включавшем свыше 40 000 слов, места для заморского слова «документ». Только в середине XIX в. в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук в 1847 году» появилось: «Документ — ученый акт или деловая бумага, служащие доказательством или свидетельством чего-либо». С тех пор в практике канцелярского делоборота и юридического судопроизводства, да и в обыденном общении, термин «документ» понимается как «деловая бумага, юридический акт, служащий доказательством чего-то, подтверждающий право на что-то» или как «официальное удостоверение личности, пропуск, паспорт». Это понимание резонно считать аутентичным (подлинным, исходным, первоначальным) значением лексемы «документ» в русском языке. Однако аутентичное значение недолго оставалось единственным.

С конца XIX в. и до наших дней расширяется ассортимент информационно-коммуникационных наук, исходящих из общенаучного постулата, что документ — «материальный объект, содержащий информацию в зафиксированном виде и специально предназначенный для ее передачи во времени и пространстве», — это «документированная информация». Известны более дюжины академически признанных «наук о документе»: архивоведение, археография, библиографоведение, библиотековедение, документоведение, документалистика, документология, журналистика, информатика, источниковедение, книговедение, криминалистика, музееведение и др. Кроме того, существует десяток вспомогательных (специальных) исторических дисциплин, изучающих отдельные виды документов: бонистика, геральдика, дипломатика, нумизматика, палеография,

сфрагистика, эпиграфика и др. Каждая наука в рамках своей компетенции пытается раскрыть феномен документа, его отличительные признаки, свойства и социальные функции, технологии создания, обработки, распространения, структуры документальных систем. Стали привычными несовместимые ответы на вопрос «что есть документ?», рассуждения относительно сущности, функций, типологии документов и проблем «книга и документ», «информация и документ». В XXI в. технотронные, виртуальные и электронные документы обновили и обострили проблематику многолетних дискуссий. Не остались в стороне от диспутов историки, культурологи, семиотики, теоретики социальной коммуникации, хотя термин «документ» они используют не всегда, предпочитая «памятник», «знак», «символ», «информация».

Неопределенность понятия «документ», терминологическая несогласованность, хаотичное переплетение документоведческих концепций дезориентируют образовательный процесс и формирование научных школ. В высшей школе подготовка бакалавров и магистров ведется по направлениям «Документоведение и архивоведение» (или «Документоведение и документационное обеспечение управления»), «Библиотечно-информационная деятельность», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Научно-методическое сотрудничество между направлениями практически отсутствует. В итоге вместо общей теории документа получают сепаратные курсы «управленческое документоведение», «теория архивного дела», «библиотечно-библиографическое документоведение», «основы музееведения». Еще труднее проследить вектор научной интеграции в Номенклатуре специальностей научных работников, неустанно модернизируемой Высшей аттестационной комиссией (ВАК). Там имеется раздел «Документальная информация (документ)», включающий научные дисциплины: документалистика, архивоведение, документоведение, библиотековедение, библиографоведение, книговедение. Эти дисциплины органично связаны с такими науками о документах, как музееведение, историческое источниковедение, археология, текстология, журналистика, литературоведение, криминалистика, социология управления, которые распределены по другим разделам номенклатуры.

Отсюда следует вывод, что эмпирически и стихийно сложился ассортимент учений, теорий и учебных курсов, раскрывающих те или иные аспекты информационно-коммуникационного феномена, именуемого «документ». Правда, ведущие теоретики архивоведения, документоведения, книговедения склонны критически оценивать «реальную разработанность», «общетеоретические обобщения», «фундаментальность осмысления» предметов своих научных дисциплин, но эту самокритику хотелось бы воспринимать не как свидетельство слабости исследовательской мысли, а как призна-

ние сложности решаемых задач и недопонимания их со стороны властных структур. Задачи настоящей статьи заключаются в сопоставлении трактовок понятия «документ» в архивоведении, музееведении, источниковедении и книговедении, чтобы приблизиться к сущностному, междисциплинарному (может быть, общенаучному) определению документа.

Архивный документ как социально-культурная ценность. В отечественном архивоведении представлены два понимания сущности архива: 1) *ведомственно-потребительское*, когда архив рассматривался как продолжение канцелярского делопроизводства, осуществляющее более-менее долговременное хранение деловых бумаг, утративших оперативное значение; здесь приоритетны функции кумуляции фондов и справочно-информационного обслуживания; 2) *историко-культурное*, когда архивный фонд воспринимается как коммуникационный канал для передачи ценностей национальной культуры из поколения в поколение, а архивы предстают следствием присущего человеку стремления к самопознанию и увековечению памяти о себе; здесь приоритет отдается мемориальной функции и функции гуманизации общества. Функциональные установки выражаются в отношении персонала к архивным документам. В первом случае на первый план выходит конъюнктурно-политическая и прагматическая полезность, во втором — культурно-историческая ценность документа, которая сочетается с бескорыстно-научным интересом к нему как к памятнику прошлого. Соответственно в литературе по архивоведению предлагаются разные подходы к определению понятия «архивный документ».

В постсоветской России объектом архивоведения считался документ в виде «материального носителя записи с зафиксированной на нем информацией», а предметом — архивные документы, находящиеся на архивном хранении или подлежащие архивному хранению. В Законе Российской Федерации «Об Архивном Фонде РФ и архивах» (2004) архивный документ определен как «материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства» (статья 3). Хотя упоминание о значимости архивных документов для граждан, общества и государства присутствует, главное внимание в законодательстве и в других руководящих материалах уделялось не реализации культурно-исторического потенциала архивных фондов, а использованию хранимых документов «в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности» (ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 Управление документами).

Прагматическая ориентация превалирует в терминологических стандартах «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». В ГОСТ Р 51141—98 и сменившем его ГОСТ Р 7.0.8—2013 документ опре-

деляется как «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать», а архивный документ трактуется как «документ, сохраняемый или подлежащий сохранению в силу его значимости для граждан, общества, государства». Смущают два обстоятельства: 1) сказано, что документ — это информация, а не материальный носитель, но многозначное понятие «информация» в ГОСТах не раскрывается; 2) требуется, чтобы всякий документ обладал реквизитами, реквизит же довольно невнятно определяется как «элемент оформления документа» (выходит, что черновые автографы или указатели типа «вход воспрещен», этюд или фотография, которые не имеют реквизитов, считаться документами не могут). Трудно руководствоваться замысловатыми формулировками такого рода.

Историко-культурная ориентация в архивной практике представлена слабо. Очень жаль. Как показала Т.И. Хорхордина, именно в случае гуманизации российских архивов «особенно возрастает значение профессии архивиста и научных основ архивной деятельности. Выявление, отбор для хранения архивных материалов, обеспечение сохранности архивных фондов и условий для их использования становятся важным критерием уровня цивилизованности государства и общества» [Хорхордина, 2003. С. 481—482]. Важное профессионально-мировоззренческое значение для архивного дела и для других документально-коммуникационных институтов имеет ее призыв: «...объективно различать три уровня понимания сущности и функций архивов и профессии архивиста: обслуживание социальных запросов, служение нации (государству) и вневременной, “вечный” характер как источника исторических знаний, т.е. научной системы человеческих знаний о мире и о себе» [Там же. С. 248]. Отсюда следует вывод о многоцелевом назначении этого социального института: архивы служат для управления социальными, политическими, международными процессами, защищают имущественные интересы и права собственников, являются хранителями национальной памяти и исторических источников, очагом культуры.

Аутентичный документ как предмет документоведения.

Разнообразные документы государственного, юридического, служебного, личного происхождения, отбираемые для хранения в архивах, как правило, служат доказательством чего-то, подтверждением права на что-то, т.е. ассоциируются с первоначальным значением слова «документ», которое мы условно назвали «аутентичным». К аутентичным архивным документам относятся: используемая в дипломатической практике международная переписка (меморандумы, ноты, верительные грамоты и т.п.); деловые (коммерческие, хозяйственные) письма, служащие для установления деловых контактов между предприятиями, организациями, органами власти; внутрифирменные управленческие документы (служебные,

объяснительные и докладные записки, распоряжения и приказы, электронная почта и пр.).

Типичный жизненный цикл аутентичного документа складывается из четырех этапов: первый этап — замысел и порождение (вне архивной отрасли); второй — существование в качестве регулятора процессов, явлений, событий действительности, когда документ выполняет властные, исполнительные, организационные, коммуникативные, информационные и иные функции; третий — после утраты оперативного значения по итогам ценностной экспертизы он может быть уничтожен либо оставлен для долгосрочного или вечного хранения в архиве; четвертый этап — описание, снятие ограничений на доступ к нему и превращение его в публичный исторический источник. Архивное дело охватывает два этапа: третий — комплектование и хранение архивных фондов, являющийся предметом архивоведения как комплексной научной дисциплины, изучающей и разрабатывающей теоретические, методические и организационные вопросы этого дела и его историю, и четвертый — аналитико-синтетическая обработка собранных документов, которая образует предмет археографии как научной дисциплины, разрабатывающей принципы и методы подготовки документальных публикаций (теоретическая археография) и осуществляющей практическую их реализацию (прикладная археография).

Типичный цикл документооборота соответствовал технологии бюрократического управления по схеме «орган власти — канцелярия — архив», и властные структуры, начиная с царя-реформатора Петра I, постоянно заботились о его совершенствовании. Достаточно вспомнить о «Генеральном регламенте» 1720 г., откуда в русский язык пришли слова «архив» и «архивариус». Однако с ростом просвещения российские архивы начали комплектовать не только продукты канцелярского делопроизводства, но и исторические акты, манифесты, памятные записи, литературные автографы и прочие произведения письменности, не предназначавшиеся первоначально для архивного хранения. В советское время архивное дело институционализировалось в виде многоуровневой системы государственных архивов (центральных, краевых, областных), а также ведомственных и местных архивов. В начале 1930-х гг. в Москве был открыт государственный историко-архивный институт (МГИАИ), призванный готовить специалистов высшей квалификации для работы в государственных архивах, а затем и работников государственного делопроизводства. Именно МГИАИ стал первооткрывателем документоведения как научной и учебной дисциплины.

Историю отечественного документоведения принято начинать со статьи К.Г. Митяева «Документоведение, его задачи и перспективы развития» [Митяев, 1964]. В ней обосновано научное понятие документа как «результата сознательного запечатления (документирования) информации

о явлениях объективной действительности различными способами в целях надежной передачи этой информации во времени и на расстоянии, при обязательной идентификации запечатленного на языке слов» [Там же. С. 29]. Документоведение он определил как «научную дисциплину, изучающую в историческом развитии способы, отдельные акты и системы документирования явлений объективной действительности и создаваемые в результате документирования отдельные документы, их комплексы и системы» [Там же. С. 35]. В 1960-е гг. документоведение признано в качестве самостоятельной научной дисциплины, о чем свидетельствует образование в 1966 г. Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД); в 1969 г. оно внесено в номенклатуру специальностей научных работников.

Документоведение родилось в недрах архивоведения, но изначально позиционировало себя не как отрасль науки об архивах, а как самостоятельная теория документа и документирования, охватывающая архивные документы, но не ограничивающаяся ими. Возник принципиальный вопрос: на какое понятие документа ориентироваться? На аутентичное, управленческо-бюрократическое, социально-культурное? Мнения разделились. Одни ученые рассматривали документоведение как прикладную эмпирическую дисциплину, сложившуюся в результате осмысления практики делопроизводства и изучающую функции документов в управленческой деятельности и рациональное построение конкретных систем документации. Другие исходили из социально-культурного понимания документа как «результата закрепления информации о предметах объективной действительности и о мыслительной деятельности человека посредством письма, графики, фотографии, звукозаписи или другим подобным способом на любом носителе» [Словарь, 1982. С. 59], независимо от целевой и функциональной направленности документационной практики.

С середины 1970-х гг. в нашей стране получила предпочтение ориентация на управленческую практику, что в научном плане означало приоритет эмпирического управленческого документоведения в системе наук о документе. Его предметом стало изучение структуры и свойств управленческих документов, закономерностей документооборота в учреждениях, совершенствование технологии документационного обеспечения аппарата управления. Ныне на рынке учебной литературы преобладают прагматичные пособия по управленческому документоведению, адресованные обучающимся по специальности «документоведение и документационное обеспечение управления».

Однако имеют место и теоретически углубленные интерпретации науки о документе. Примером социально-культурного документоведения может служить учебник Н.С. Ларькова [Ларьков, 2016]. Автор исходит из потребности в формировании обобщающей науки о документе и документа-

ционных процессах в обществе, способной обеспечить «глубокое проникновение в социальную и информационную сущность документа». Стремясь «дать максимально объемное, обобщающее и в то же время наиболее точное и краткое определение понятия “документ”, отвечающее содержанию и задачам документоведческой науки», он предлагает следующую теоретическую формулировку: «Документ — это включенная в социальную коммуникацию семантически структурированная информация, искусственно закрепленная на материальном носителе в стабильной знаковой форме» [Там же. С. 42]. Эта формулировка, в отличие от управленческих трактовок, далеко отстоит от аутентичного эмпирического понимания документа, что ведет к немаловажным следствиям.

В контексте теоретического обобщения, свойственного социально-культурной интерпретации документоведения, Н.С. Ларьков решает вопрос о соотношении понятий «книга» и «документ»: «Книга исторически и логически по своей информационной, социальной сущности и основным функциям, по характеру материального носителя, способу передачи информации также является документом, хотя и обладающим, безусловно, значительной спецификой» [Там же. С. 26]. Его вывод прямо противоположен научным взглядам сторонников управленческого документоведения. Представитель этой когорты документоведов Г.А. Двоеносова руководствуется дефиницией: «Документ — конвенциональная форма представления первичной и достоверной информации о явлениях, событиях, фактах объективной реальности, которая может быть использована как доказательство и как инструмент действия» [Двоеносова, 2012. С. 132]. Здесь отчетливо просматривается произвольность исходных понятий (стыдливо названная «конвенциональная форма»), свойственная эмпирическому управленческому документоведению.

В статье «Феномен документа» Г.А. Двоеносова, задавшись целью «показать отличия документа и книги как разных социальных феноменов», честно признается: «Не будучи специалистом в области книговедения, библиотековедения и библиографии, сложно судить о том, какой научный подход наиболее способствует раскрытию сущности такого феномена, как книга». И тут же заявляет: «Документ и книга — два совершенно разных информационных объекта, которые имеют разные цели, предназначены для решения разных социальных задач и различаются технологиями создания, хранения и использования» [Двоеносова, 2015. С. 2]. Принципиальное различие между ними она усматривает в том, что «всякий официальный документ или частное письмо — правдивый, объективный свидетель прошлого, его материальный остаток. Всякая же рукопись литературного, научного и исторического характера есть лишь мнение о фактах и явлениях — по своей природе всегда субъективное» [Там же]. Следовательно, «отношения между документами и книгами — это отношение первично-

го и вторичного», ибо архивы хранят достоверную «первичную информацию», а библиотеки распространяют в обществе полиграфически растиражированные субъективные мнения авторов «вторичной информации» относительно известных им фактов. «Целью создания документа изначально было доказательство совершенных действий, явлений, событий, фактов. Книга же создавалась с целью сохранения, передачи и распространения знаний, чувств, впечатлений» [Там же. С. 5].

Развивая свой феноменологический подход, автор в статье «Документ — имя собственное!» признает документами только «собственно первичные документы», а никак не книги или музейные предметы. Первичный документ — «уникальное достижение цивилизации, древнейший продукт человеческой деятельности, исключительное социальное явление и в то же время — все еще не познанный объект науки», и только он имеет право «называться своим собственным, данным ему изначально именем — документ» [Двоеносова, 2014. С. 91]. Она отмечает претензии библиотечных документологов на разработку «общей теории документа» и переименование книг в разновидность документов. Налицо словесное табу: ограничение словоупотребления, обусловленное вневлигвистическими факторами, в данном случае — стремлением управленческого документоведения к гегемонии в области наук о документе. С подобными притязаниями мы согласиться не можем.

Каковы реальные научные достижения управленческого документоведения, многими признаваемого лидером среди наук о документе? Директор ВНИИДАД М.В. Ларин, спустя почти 50 лет после создания этой головной научной организации в области документоведения, не без горечи признал: «документоведение как научная дисциплина только еще складывается», «мы находимся лишь в процессе ее становления», «предстоит определиться с сущностными характеристиками главных объектов и предметов для изучения — документов и систем документации, выявить свойства и признаки документа, проследить развитие его функций на протяжении времени» [Ларин, 2014. С. 139]. Он предложил «не включать в документоведение книговедение и ряд дополнительных разделов из других дисциплин», «не пытаться изменить саму суть документоведения», а «четко очертить контуры нашей дисциплины в рамках традиционных представлений о документоведении», отбросить точку зрения, «согласно которой документ — это универсальное понятие, любая записанная информация» [Там же. С. 140]. Его удручает плачевное состояние управленческого документоведения, где «нет единства понимания ключевых терминов» («делопроизводство», «документационное обеспечение управления», «управление документами»), не говоря уже о центральном понятии «документ», которому «сегодня нет альтернативы».

Странно, что руководство главного (и пока единственного) научно-исследовательского института в области документоведения и архивного дела

в подобной ситуации консервативно настаивает на продолжении прикладных разработок, игнорируя фундаментальные социально-культурные подходы, связанные не с канцелярским делопроизводством, а со смысловой социальной коммуникацией. Мы не сомневаемся в практической востребованности, государственной и административной значимости управленческого документоведения. В ассортименте наук о документе обязательно должно найтись место для прикладной научно-учебной дисциплины, изучающей документационное обеспечение управленческих структур. Однако для определения этого места нужно отказаться от эмпирических, обыденных в своей основе трактовок документа и перейти к научно-интеграционным воззрениям на ассортимент наук о документе, с включением в него музееведения и книговедения.

Музейный документ как исторический источник. В музееведении (музеологии), некоторыми музееведами относимом к документоведческим наукам, термин «музейный документ» не используется. В качестве центрального понятия традиционно выступает «музейный предмет» — по определению А.М. Разгона, «извлеченный из реальной действительности предмет музейного значения, включенный в музейное собрание и способный длительное время сохраняться» [Основы, 2010. С. 37]. Это предмет подлинный, «аутентичный источник знаний и эмоций», результат деятельности человека, обладающий научной, исторической, мемориальной или художественной ценностью. Важнейшими его свойствами считаются: информативность (быть источником сведений о явлениях природы и общества, характеризовать особенности среды бытования, в которой он находился), экспрессивность (способность воздействовать на эмоциональную сферу человека), аттрактивность (свойство привлекать внимание, возбуждать интерес) [Там же. С. 37—40]. Если сопоставить перечисленные свойства музейного предмета с определением аутентичного документа, отличительным свойством которого является способность «служить доказательством чего-то, подтверждением права на что-то», то можно сделать вывод, что качество информативности (быть источником сведений) позволяет считать всякий музейный предмет документом, характеризующим определенное место и время, т. е. свидетельством, служащим историческим источником.

Основоположник школы «Анналов» М. Блок утверждал: «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения» [Блок, 1986. С. 39]. Поэтому в исторические исследования широко вовлечены вещественные, изобразительные, аудиальные источники, что привело к развитию вспомогательных исторических дисциплин. В исторической науке существует масса определений понятия «исторический источник», типологий источников.

Культурная антропология не довольствуется историей письменной культуры, а пытается воспроизвести дописьменную эволюцию человечества. Этой цели служат археологические музеи, которые собирают, хранят, изучают и экспонируют предметы, обнаруженные в результате археологических исследований и имеющие историческую и художественную ценность. Объектами музеефикации бывают и недвижимые памятники археологии: городища, погребения, оборонительные, культовые сооружения. Отсюда — музеи-заповедники, музеи под открытым небом, музеи-памятники, которые редко называют «документы».

Музееведы предпочитают считать историческими свидетельствами письменные, графические, кино-, фото-, фонодокументы и их коллекции (собрания). Однако С.О. Шмидт, повторяя, что «исторический источник — это все то, откуда черпают сведения о прошлом, т.е. не только отражение непосредственного исторического процесса, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии» [Шмидт, 1997. С. 36], отстаивал необходимость введения обобщающего понятия «документальный памятник». Он не акцентировал различия в понимании архивных документов и музейных предметов, но о них свидетельствует разработанная им и получившая признание типология исторических источников [Шмидт, 1985]. В этой типологии видное место занимают не только «письменные памятники во всем многообразии их форм и видов», но и «вещественные источники во всем их многообразии (от предметов археологии до современных машин и бытовых предметов), не только чучела животных, птиц и муляжи плодов, гербарии (выставленные в музеях), но и сами животные, птицы, растения и другие природно-географические источники. Разумеется, не забыты произведения изобразительного искусства, этнографические раритеты и “звуки” в широком и узкомузыкальном смысле» [Шмидт, 1997. С. 87–88].

Основой профессионализма историка-исследователя является, как известно, историческое источниковедение. В учебном пособии для студентов Высшей школы экономики приведена следующая трактовка: «Источниковедение — гуманитарная дисциплина, объект которой — исторические источники, т.е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры — эмпирическая реальность исторического мира, а предмет — изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей. Источниковедение выросло из практической потребности установления подлинности и достоверности документов. Современное источниковедение обращается ко всей совокупности произведений культуры с целью понимания Другого (человека, социума, культуры), расширения на этой основе собственной культуры, обогащения мировосприятия». Исто-

рик должен не только уметь добывать факты путем критики исторических источников, но и владеть источниковедческим подходом, который может и должен стать основанием «толерантного отношения к Другому, что представляет собой непрременное требование современной этики» [Источниковедение, 2015. С. 7–9].

Источниковедение логически связано с документоведением, ибо лишь подлинный документ может служить надежным историческим источником. Довольствоваться только письменными записями истории не могут, хотя именно к этому призывают их консервативные архивисты и библиотековеды. Между сторонниками «двумерных» и «трехмерных» документов развернулась многолетняя дискуссия [Земсков, 2006]. Классик мировой библиотечной науки Ш.Р. Ранганатан признавал книги и статьи документами, поскольку они служат для записи «микромысли» на бумаге или другой плоской поверхности, «подходящей для работы, транспортировки сквозь пространство и сохранности во времени». «Пионер информатики» П. Отле считал, что под понятие «документ» вполне подходят не только библиотечные фолианты, но и скульптуры, археологические находки, коллекции, «составленные из предметов в их естественном виде, а не в виде словесных описаний». В «Манифесте о природе документации» (1951) С. Брие утверждала, что камень в реке документом не является, а камень в музее — документ; что антилопу, живущую на воле в саванне, документом назвать нельзя, но если ее поместили в клетку зоопарка и изучают, она становится первичным документом, и все статьи о ней — вторичные, производные документы.

Ю.Н. Столяров, с удовлетворением отмечая, что Ш.Р. Ранганатан расширил понятие «книга» до понятия «документ» и раздвинул понятие «библиотека», пришел к заключению: чтобы разобраться с сущностью понятия «документ», нужно выработать максимально общее определение и оттолкнуться от него. Это определение он сформулировал четко и лаконично: «Документ есть объект, позволяющий получить от него требуемую информацию. Если нужную информацию могут предоставить антилопа в саванне, камень в реке и звезда в небе, то в этот момент и для этих целей они представляют собою документы. Если же в информационном отношении перечисленные объекты интереса для субъектов не имеют, то и документами для этих субъектов они не являются. *Документ — понятие относительное*» (курсив автора) [Столяров, 2006. С. 77]. Его вывод имеет важное значение для правильной постановки вопроса о синтезе трех документальных центров: архива, библиотеки, музея.

Структура документосферы. Документы, как известно, имеют не естественное, а искусственное происхождение, их порождает не природа, а общество. Какого типа документы производятся в результате документирования? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к типологии. Скрупу-

лезный анализ российской, украинской, польской документоведческой литературы, выполненный Г.Н. Швецово-Водкой, показал, что существуют восемь трактовок понятия «документ», соответствующих восьми типам документов, используемых в современной документосфере [Швецова-Водка, 2010. С. 22–167]:

документ I — любой материальный объект, несущий закрепленную информацию, который можно использовать для изучения какого-либо физического или интеллектуального явления;

документ II — результат человеческого труда, предмет материальной культуры человечества, свидетельствующий об уровне развития человеческой цивилизации (орудия труда, оружие, здания, машины и т.д.);

документ III — материальный объект, созданный специально для передачи в обществе зафиксированной на нем семантической информации, т.е. материальное воплощение человеческой мысли в виде «документов трех измерений» (модели, макеты, скульптуры, памятники и проч.);

документ IV — материальный объект, на котором семантическая информация закреплена способом записи (независимо от вида записи), включая произведения письменности и печати, рисунки и гравюры, фотографии и кинофильмы, любой вид записи голоса или изображения;

документ V — запись, являющаяся спутником определенной духовной деятельности и отражающая ее (источники личного происхождения — мемуары, дневники, автобиографии, письма; техническая документация и др.);

документ VI — запись, содержащая сведения о юридическом факте (например, материалы конкретно-социологических исследований, статистические данные);

документ VII — запись о юридическом факте, имеющая необходимый набор засвидетельствования (типа судебно-следственного дела);

документ VIII — запись о юридическом факте, удостоверяющая личность (пропуск, мандат, паспорт).

Данная типизация построена эмпирически; ее достоинство заключается в том, что она отражает реальные духовные потребности общества, которые в свете информационного подхода выглядят как социальные информационные потребности. Документы I, II, III типа объединяют три общих качества — все они: служат носителями семантической информации, содержанием которой является знание; демонстрируют в качестве знаковой формы не запись, сделанную письменами, а собственный многомерный образ, свою телесность; предназначены для использования в процессе социального познания. Документы типа I и II генетически документами не являются, процедура их документирования заключается в содержательном отборе и комментировании. Документы типа I представляют Вселенную, включающую «любые материальные объекты», в том числе «ландшафты,

представителей животного и растительного мира, предметы быта, архитектурные памятники и т.п.». Швецова-Водка оговаривает, что «значение Документа I охватывает только такие материальные объекты, которые собраны человеком и представлены для обозрения, ознакомления и изучения» в качестве музейных предметов [Там же. С. 28]. Объем типа документ II включает не все множество «предметов материальной культуры человечества», а только некоторые особенно познавательные образцы, отобранные для музея. Другое дело монументы или панорамы, отнесенные к документам III и специально созданные в качестве носителей семантической информации: каждый из них уникален, единственный в своем роде (хотя имеются их копии и репродукции). Назначение документов данных типов — служить средством удовлетворения познавательных социальных потребностей, т.е. потребностей общества в познавательной информации. Благодаря документам типа I, II, III в структуре документосферы образуется *сектор социального познания*.

Чтобы познавательная информация, воплощенная в документах I, II, III, дошла до потребителя (П), требуется коммуникационный процесс по схеме Д → П. Поэтому познавательный сектор документосферы, где превалирует музейный социальный институт, входит в состав *сектора социальной коммуникации* — центрального сектора документосферы, организационное ядро которого образуют социальные институты *библиосферы* (книгоиздание, журналистика, книжная торговля, библиография, библиотечное дело). Документы IV и V, представляющие собой записи, — типичные продукты письменности и полиграфии, являются носителями семантической информации; ее смысловое содержание охватывает не только знания, но и умения, волевые воздействия, эмоции, фантазии, т.е. все виды смыслов. Материальные носители этих документов ассоциируются с плоской поверхностью бумаги и ее заменителей, а знаковую форму образуют все виды человекочитаемых знаков и изображений в кодированном или некодированном виде. Социальное назначение документов типов IV и V — служить средством удовлетворения всех видов духовных потребностей в научной, художественной, политической, обыденной информации.

Триада документов VI, VII, VIII — носитель управленческой, в том числе юридической, информации. Она представляет собой один из видов семантической информации, содержание которого суть волевые воздействия государственной или местной власти, связанные с потребностью в управлении обществом, регионом, учреждением, фирмой. Для локализации документов этого типа в структуре документосферы предусмотрим *сектор социального управления*. Его организационную основу образует архивный социальный институт, располагающий сетью архивов, системой подготовки кадров и научно-исследовательским центром архивоведения в лице ВНИИДАД. Главным назначением этого сектора бу-

дет содействие властным структурам в их управленческой деятельности. Вместе с тем архивные фонды являются незаменимым источником для всех исторических исследований. По этим причинам сектор социального управления содержательно входит в сектор социального познания документосферы.

На основе типологии документов, предложенной Г.Н. Швецово-Водкой, можно сделать ряд выводов относительно структуры документосферы.

Все секторы документосферы являются носителями семантической информации. Остальные типы информации (машинная, математическая, элементарная, биологическая) не используются в качестве смыслового содержания документа. Отсюда следует, что формулировка Ю.Н. Столярова: «Документ — это информация на материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме» [Столяров, 2013. С. 125] — в целом удовлетворительна. Резонно только уточнить, что речь идет не об информации вообще, а о семантической информации, содержанием которой служат результаты человеческого мышления, воображения, эмоциональных переживаний, и что документ нуждается в носителе стабильном, сохраняющемся во времени (звуковые волны материальны, но речь — не документ). В итоге получаем: документ — это семантическая информация на стабильном материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме. Данную дефиницию можно считать *принципом отграничения* документосферы от иных «сфер»: документосфера существует там и тогда, где и когда обнаруживаются документы. В зависимости от варьирования понятия «документ» варьируются границы документосферы. Если, например, Интернет считать «динамичным мегадokumentом», то «интернетосфера» становится частью документосферы. Структура документосферы многомерна. Она может рассматриваться с организационной и функциональной точек зрения.

Организационную ее структуру образуют *документальные социальные институты*, распределяющиеся по секторам документосферы так: сектор познания — архивный, библиографический, библиотечный, музейный институты; коммуникационный сектор — все документальные институты; управленческий сектор — архивный и библиотечный институты. Документальные институты предназначены для коммуникации семантической (семиотической) информации, относятся к классам *коммуникационных* и *семиотических* институтов, поэтому их можно назвать коммуникационно-семиотическими институтами.

По общественному назначению различают три функциональных сектора, ориентированных на удовлетворение социальных информационных потребностей: социального познания, социальной коммуникации, сектор социального управления. Однако жесткое размежевание отсутствует: по-

знавательную функцию выполняют коммуникационные и управленческие секторы, документы коммуникационного назначения являются носителями познавательной и управленческой информации, управленческий сектор служит источником познания. Это свидетельствует о наличии тенденции к интеграции документальных институтов.

Документивный синтез архивов, библиотек, музеев. Термин «документивный» заимствован из предложенного Ю.Н. Столяровым «документологического тезауруса», где ему соответствует значение «отражающий сущность процесса или явления» [Столяров, 2004]. Такое значение адекватно выражает замысел проанализировать синтез названных документальных институтов, обусловленный их сущностной (документивной) близостью, общностью *документностной* природы. Неологизм «документностный» уместен в данном случае: согласно тезаурусу Столярова он означает «исходящий из признания базисности документа при рассмотрении соответствующих явлений и процессов», что вполне согласуется с нашей точкой зрения.

Документивная близость архивов, библиотек, музеев просматривается в очевидном сходстве применяемых ими кумулятивных и трансляционных технологий, сводящихся к сбору (комплектованию), обработке, хранению и использованию тех или иных видов документов. Еще более сильным аргументом является сращивание (документивный синтез) разных документальных учреждений. Библиотеки, осознающие себя культурно-историческими центрами, формируют архивы и музеи, дополняющие их библиотечно-библиографическую деятельность. Так, в Российской государственной библиотеке созданы Фонд редких и ценных изданий (более 300 000 единиц хранения музейного уровня), где представлены иностранные издания XV–XVII вв. и старопечатные отечественные книги XVI–XVIII вв., и Музей книги. Библиотека РАН имеет архив, входящий в структуру Архива РАН; в ее музее собраны материалы по истории РАН с 1859 г., используемые в научной и выставочной работе. Основанный в 1905 г. Пушкинский Дом замышлялся как хранилище первоисточников, связанных с творчеством А.С. Пушкина; с течением времени он превратился в библиотечно-библиографический и архивно-музейный комплекс, символизирующий 1000-летнюю историю русской литературы (с XI по XXI в.). Обществом «Мемориал» в Москве создан архивно-библиотечно-музейный центр, где собраны уникальные коллекции архивных документов, книг, периодики, музейных предметов, связанных с историей репрессий, сопротивления режиму, диссидентства в СССР.

Государственные архивы и музеи, наряду с национальными и региональными библиотеками, выполняют национально-мемориальную функцию — функцию хранения книжных памятников. Согласно ГОСТ 7.87—2003, *книжные памятники* — это рукописные и печатные книги, книж-

ные коллекции, обладающие выдающимися духовными, эстетическими, полиграфическими или документирующими свойствами, представляющие общественно значимую научную, историческую или культурную ценность и охраняемые специальным законодательством. По степени историко-культурной ценности книжные памятники подразделяются на категории (уровни): мировой, государственный (федеральный), региональный, местный (муниципальный). Соответственно дифференцируются учет, хранение, использование книжных памятников. Библиотекарям-книжникам лестно, что книжные памятники числятся в одном ряду с другими официально признанными памятниками истории и культуры. Национальные, отраслевые, региональные, да и центральные городские библиотеки оказываются не только книгохранилищами, но и музеями книги, историческими архивами.

Книжные памятники входят в предмет изучения истории книги и традиционно именуется книгами, а не документами. Но остается открытым вопрос: являются ли книгами их оцифрованные дубликаты? Ведь в информационно-технологическом плане они не отличаются от электронных архивных документов или оцифрованных музейных предметов. Информатизация открывает новые перспективы для сращивания библиотечных, архивных, музейных фондов. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина — пример реализации универсального интегрального фонда, именуемого «информационный ресурс». Ее информационный ресурс формируется из цифровых копий печатных изданий, архивных и официальных документов, музейных предметов, а также изначально созданных в электронном виде ресурсов, в том числе собственного производства, включая издательскую и аудиовизуальную продукцию. Особое внимание уделяется формированию тематических электронных коллекций, наполнению электронного фонда фото-, аудио- и видеоматериалами и ведению новостных разделов портала. Поскольку границу между оцифрованными библиотечным, архивным, музейным фондами невозможно провести однозначно, радикалы-технократы пророчат, что электронным библиотекам потребуются лишь менеджеры по электронным ресурсам, а не специалисты в области архивного, библиотечного, музейного дела. Так, в «Атласе новых профессий» утверждается, что оцифровка всех библиотек и архивов с возможностью доступа к любой информации 24 часа в сутки и 7 дней в неделю из любой точки мира приведет к исчезновению библиотекарей, документоведов, архивариусов [Атлас, 2015. С. 265]. Вместе с ними аннигилируется документосфера, воплощающая национальную историческую память. Чтобы такое бедствие миновало Россию, нужно позаботиться о сохранении архивов и музеев, библиотек и книжных магазинов, документосферы в целом.

Документивный синтез невозможен без модернизации профессионального сознания. Потребность в научно-интеграционном синтезе докумен-

тально-коммуникационных дисциплин диктуется эмпирическим и поверхностным уровнем теории архивоведения, библиотечно-библиографических дисциплин, документоведения, книговедения, музееведения, который не соответствует вызовам электронной коммуникации и компрометирует профессию в глазах общественности. Документивному синтезу архивов, библиотек, музеев мешают субъективные и объективные препятствия.

Субъективные препятствия порождаются научным сепаратизмом. Мнение Г.А. Двоеносовой о гегемонии документоведения среди наук о документе разделяют авторитетные лидеры архивного дела, соответственно решая вопрос о роли архивов, библиотек, музеев в исторической памяти. К.Б. Гельман-Виноградов считает, что некорректно «причислить к документам все материальные объекты, которые могут быть использованы для передачи информации в обществе (включая экспонаты музеев, архитектурные памятники, образцы пород и т.п.)» [Гельман-Виноградов, 2005]. Он решительно возражает против притязаний библиотекведов на формирование документоведения в качестве «обобщающей науки о документе», ибо документоведение «уже давно существует в качестве научной дисциплины», развиваемой в архивном деле. К.И. Рудельсон отмечала, что творения природы, выставляемые в музеях и зоопарках, не являются документами в прямом значении [Рудельсон, 1973. С. 17], а К.Б. Гельман-Виноградов не допускал и мысли, что скульптуру О. Родена «Мыслитель» можно отнести к документам [Там же. С. 21]. Руководитель Росархива В.П. Козлов в дискуссионной статье «Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти», схематично сопоставив познавательную ценность музейного предмета, библиотечной книги и архивного документа, пришел к выводу, что «именно последний наиболее полно и приближенно к жизни отражает ее, а значит, является основным носителем исторической памяти»; организация исторической памяти в архивах более упорядочена, системна, наиболее полна в своем приближении к действительности, поэтому будет всегда оставаться наиболее востребованной [Козлов, 2004. С. 73]. В «общей теории документа» Козлов учитывает разные состояния документа, соответствующие предметам изучения архивоведения (архивный документ), документоведения (нормы оформления документа), источниковедения (исторический источник), археографии (документальная публикация) [Козлов, 2009]. Документ в виде книги или музейного предмета им исключается.

Объективные затруднения синтеза документально-коммуникационных социальных институтов не раз обсуждались в профессиональной печати. На международных научных форумах в Крыму и на «Румянцевских чтениях» в Москве в 2010-е гг. проходили секции и «круглые столы», посвященные взаимодействию библиотек, архивов, музеев в пространстве информации и культуры. Естественным образом научная интеграция получила

отражение в терминологии взаимодействующих дисциплин. В.А. Бондарь отметил взаимопроникновение терминов документоведения, библиотекведения, книговедения, информатики, создающее основу для формирования междисциплинарной терминосистемы [Бондарь, 2015. С. 189–191]. Общность языка — хорошая предпосылка для разработки теории, нацеленной на сопоставительный анализ содержания частных наук и выявление методом обобщения фундаментальных межнаучных закономерностей.

Убедительны аргументы Ю.Н. Столярова в пользу разработки документоведения как обобщающей теории в цикле документально-коммуникационных наук [Столяров, 2013]. Нельзя не согласиться со словами автора: «Необходимость разработки всеобщей теории документа обусловлена сущностным родством документов, циркулирующих в любой сфере социальной деятельности, будь то канцелярская, архивная, библиотечная, библиографическая, музейная или любая иная. Выяснение того общего, что свойственно документам всякого рода, т.е. законов, закономерностей, принципов, статусных характеристик, признаков классификации и тому подобных моментов, выводит документоведение в разряд фундаментальной дисциплины комплекса наук социально-коммуникационного профиля» [Там же. С. 28].

По сути, здесь ставится вопрос о формировании *метатеории документосферы*, предпосылки которой созрели в конкретных документоведческих дисциплинах и в новаторских разработках в области истории (когнитивная история, интеллектуальная история), исторической и социальной информатики, семиотики и философии символа. Методологическое значение может иметь информационный подход, основанный на категории «семантическая информация». Это обобщающее понятие (по отношению к понятиям «архивный документ», «книга», «библиографическая информация», «музейный предмет») может использоваться для анализа и синтеза интеграционных тенденций в документосфере. Нуждаются в углубленной сущностной разработке информационно-семантические процессы в интегрируемых документальных институтах. Столкновение изоляционистских и научно-интеграционных тенденций заставляет прислушаться к Ю.Н. Столярову: «Уяснение того, что документ — понятие относительное, условное, конвенциональное, — на сегодняшний день самый сложный момент во всей документоведении» [Столяров, 2013. С. 132].

Библиография

Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив; «Сколково», Московская школа управления. М., 2015. 288 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: Пер. с фр. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.

Бондарь В.А. Эволюция терминологии в сфере управления документами в России в конце 1950-х – 2013 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 235 с.

Гельман-Виноградов К.Б. О сложностях трактовки понятия «документ» и способах их преодоления // Делопроизводство. 2005. № 2. С. 16–24.

Двоеносова Г.А. Признаки, свойства и функции документа: опыт рационализации понятий // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 128–140.

Двоеносова Г.А. Документ – имя собственное // Вестник РГГУ. Серия «Документалистика, Документоведение, Архивоведение». 2014. № 2. С. 87–93.

Двоеносова Г.А. Феномен документа // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2015. № 6. С. 1–8.

Земсков А.И. Документоведение – было, есть и будет (Обзор зарубежных публикаций) // Научные и технические библиотеки. 2006. № 7. С. 63–73.

Ильганаева В.А. Социальные коммуникации (теория, методология, деятельность): словарь-справочник. Харьков: Городская типография, 2009. 391 с.

Источниковедение: учеб. пособие / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 686 с.

Козлов В.П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 71–74.

Козлов В.П. Общая теория документа // Делопроизводство. 2009. № 3. С. 3–12.

Ларин М.В. Актуальные проблемы современного документоведения // Вестник РГГУ. Серия «Документалистика, Документоведение, Архивоведение». 2014. № 2. С. 139–148.

Ларьков Н.С. Документоведение: учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2016. 416 с.

Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 27–37.

Основы музееведения: учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 430 с.

Рудельсон К.И. Современные документные коммуникации. М.: Наука, 1973. 265 с.

Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Вып. 1. М.: ГАУ при СМ СССР; ВНИИДАД, 1982. 448 с.

Столяров Ю.Н. Документологический тезаурус // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: одиннадцатая междунар. конф. «Крым 2004». М.: ГПНТБ России, 2004. CD-диск.

Столяров Ю.Н. Теория относительности документа // Научные и технические библиотеки. 2006. № 7. С. 74–78.

Столяров Ю.Н. Документология: учебное пособие. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.

Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 535 с.

Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учебное пособие. М.: Рыбари; Київ: Знання, 2009. 487 с.

Швецова-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммуникологии: научно-практическое пособие. М.: Литера, 2010. 382 с.

Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 16. Л.: Институт истории АН СССР, 1985. С. 3–24.

Шмидт С.О. Путь историка: избр. тр. по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И МУЗЕИ – БИБЛИОТЕКИ – АРХИВЫ КАК ХРАНИЛИЩА ИНФОРМАЦИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА²

Information support of historical science and museums – libraries – archives as repositories of information: theory, methodology, practice

Аннотация: в статье дается сжатый очерк проблемы информационного обеспечения исторической науки, ее теоретико-методологических аспектов, взаимодействий на этом поприще с музеями – библиотеками – архивами как особого рода информационными ресурсами, хранителями социальной памяти. Констатируется интерес к этой проблеме, ее недостаточная от-refлексированность научным и музейным – библиотечным – архивным сообществами и необходимость дальнейшего исследования.

Abstract: the article provides a succinct essay on the problem of information support of historical science, its theoretical and methodological aspects, interactions in this field with museums – libraries – archives as a special kind of information resources, custodians of social memory. The authors state interest in this issue, as well as its poor state of knowledge in scientific and museum – library – archival communities, and the need for further research.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, информация, информационное обеспечение, информационная инфраструктура, музеи – библиотеки – архивы, взаимодополняемость, саморефлексия, коммуникация, апробация проблемы.

Keywords: historical science, librarianship, information, information support, information infrastructure, museums – libraries – archives, complementarity, self-reflection, communication, testing problems.

И наука (историческая наука в том числе), и музеи – библиотеки – архивы являются порождением человеческого разума и служат удовлетворению, пожалуй, главной потребности человека – познавать мир во всех его проявлениях, идентифицировать себя в этом мире, искать и находить смысл в своем существовании. Этим определяется их родство. Но есть и отличия, связанные с тем, что они удовлетворяют главную потребность

² Впервые опубликовано: Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский (М.: Этерна, 2015. С. 33–40). Публикуется с изменениями и дополнениями.

разными способами, методами, средствами, благодаря чему позволяют человеку смотреть на мир с разных сторон, стереоскопически. Из такого сочетания родства и отличия вытекает необходимость науки и музеев — библиотек — архивов друг для друга, их взаимодополняемость, возможность взаимодействовать, многократно усиливая свой познавательный, репрезентационный и адаптационный потенциал в интересах *homo cognitionis* (человека познающего).

Для удовлетворения потребности в знании человек должен совершать некие действия по добыванию, усвоению и производству информации (деятельностный аспект), получать результаты — новую информацию, фиксировать ее в социальной памяти с помощью исторических источников (музейных предметов, изданий, документов), хранить (в музеях — библиотеках — архивах) и репрезентировать для передачи следующим поколениям. Получается, что информация выступает в двух ипостасях — пищи для ума и его порождения, произведенного им «продукта», а информационное обеспечение включает в себя, с одной стороны, деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения поставленных задач (в нашем случае — в области изучения истории), а с другой — саму такую информацию, определенным образом структурированную и представленную в удобном для ее «потребителя» (исследователя) виде.

Нами уже отмечалось [Воронцова, 2015(б)], что постановка данной проблемы применительно к исторической науке (и шире — к гуманитарным наукам) стала возможной благодаря наработкам в области информационных технологий, управления персоналом, экономики, социологии, политтехнологий (где информационное обеспечение трактуют как фундаментальную проблему), в том числе благодаря работам Н.Е. Каленова, который вместе с коллегами применил теоретико-методологические разработки на практике в деятельности руководимой им Библиотеки по естественным наукам РАН [Каленов, 2007; 2008].

Принципиальное значение имеет введение положения, перенесшего центр тяжести с технологий (форм, способов, инструментария) на содержание деятельности по приращению научного знания: информационное обеспечение есть фактор самоорганизации и саморегуляции науки на основе саморефлексии. Оно позволило по-иному понять роль в информационном обеспечении исторической науки исследований в области источниковедения и исторической информатики, включая применение количественных методов (И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкин), когнитивной истории (идея О.М. Медушевской об информационном ресурсе и др.), историографии, задача которой — анализ текстов, отражающих саморефлексию исторической науки и являющихся результатом рефлексии историков в поле их

профессиональной деятельности (Л.П. Репина, А.В. Полетаев, И.М. Савельева и др.).

Что касается самой информации, то для исторической науки важно, чтобы она была структурирована так, чтобы наилучшим образом обеспечивать сохранение в актуальном состоянии и приращение научного знания и минимизировать информационные шум и энтропию, удовлетворять потребности конкретных исследователей, научных школ, направлений. Информация должна отвечать критериям, достаточно хорошо описанным в источниковедении: быть достоверной, точной, репрезентативной (это делает возможным корректный перенос на генеральную совокупность результатов, полученных при анализе выборки), необходимой и достаточной для исследования. Целью описания, изучения, ранжирования, группировки исторических источников является создание условий для максимально полного извлечения из них информации. При нашем подходе важное место отводится ее фиксации, аккумуляции, сжатию — и, в числе прочего, изучению в этом отношении справочных библиографических изданий и энциклопедий (сводов устоявшихся, апробированных и легитимированных научным сообществом знаний, играющих особую роль в продвижении научных взглядов к читателям, их закреплении в общественном сознании).

Такое понимание проблемы информационного обеспечения исторической науки определило и наш взгляд на роль музеев — библиотек — архивов в оном. Как базовые элементы ее информационной инфраструктуры они выполняют функции информационного ресурса, места аккумуляции и (в большей или меньшей степени) репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора экспозиции, публикатора и т.д.) с познающими субъектами, но выполняют их по-своему, что связано с их спецификой. В музеях и архивах сосредоточиваются первоисточники, подлинные свидетельства прошлого: в архивах — это документы, главным образом письменные источники; в музеях преобладают «вещи», т.е. источники невербальные. В отличие от них библиотеки хранят информацию, запечатленную в виде разного рода изданий, т.е. вторичную, полученную на основе анализа первоисточников; и собирают они эту информацию прежде всего с целью предоставлять ее «потребителям» — читателям.

Музейные собрания, фонды библиотек и архивов с точки зрения историка являются репрезентативной, систематизированной выборкой исторических источников (первичных, вторичных и т.д.); для исследователя это — и их преимущество (готовая выборка сберегает время поиска источников информации), и недостаток (т.к. выборка осуществлена не под цели и задачи данного исследования). Основная задача упорядочения собраний, фондов заключается в том, чтобы обеспечить наилучшую сохранность составляющих их музейных предметов, документов, изданий и их актуали-

зацию — при обязательном условии корректного использования (в музеях — главным образом в виде экспозиций и выставок, т.е. «текстов», где доминирует невербальная информация). Полноценное их функционирование в качестве информационных ресурсов требует совершенствования стратегий комплектования, описания, типологического и сравнительно-исторического изучения музейных предметов — документов — изданий, а также методов, разрабатываемых источниковедением (историческим, музейным), исторической библиографией.

Экспозиции музеев, выставки музеев и библиотек как место репрезентации исторического знания представляют собой информационные системы, предназначенные для актуализации информации: при посредстве экспонатов исторический процесс отображается так, как он осмыслен авторами экспозиции, и воспринимается посетителями благодаря их способности к рефлексии. В архивах и особенно в библиотеках основное место репрезентации — читальные залы.

Выполнение этих двух функций невозможно без коммуникации участников информационного процесса, происходящего в рамках и на базе музеев — библиотек — архивов. Для информационного обеспечения исторической науки первостепенное значение имеет коммуникация хранителя информации и историка-профессионала, осуществляемая с целью получения нового знания (в результате извлечения информации из музейных предметов — документов — изданий) и его репрезентации в формах, присущих каждому из рассматриваемых хранилищ информации. Ее эффективность во многом зависит от технологий, которые должны быть адекватны решаемым задачам. В исторической науке и в музееведении им уделяется настолько большое внимание, что сформировались специальные дисциплины — историческая и музейная информатики. Адресатом в первом случае является исследователь, во втором — музейный посетитель и музейный сотрудник; первая «обслуживает» познавательную (научную) деятельность, для второй важнее прикладные аспекты.

Возможность симбиоза исторической науки и хранилищ информации (музеев — библиотек — архивов), о которой сказано выше, помимо прочего вытекает из предназначения этих институтов социальной памяти и их потребности друг в друге для его реализации: музеи — библиотеки — архивы аккумулируют и хранят отобранные на основе четкой системы принципов, разработанных музееведением — библиотековедением — архивоведением, репрезентативные совокупности источников информации, историческая наука извлекает из них информацию, накапливая знания о прошлом, а затем музеи — библиотеки — архивы (наряду с другими «потребителями») используют ее далее в своей деятельности. Отбор источников и структурирование информации для нужд ее хранилищ и для нужд науки совпадают лишь отчасти, что понятно (у каждого из них свои цели, задачи, функции),

но именно это позволяет им взаимодействовать, использовать методы друг друга, обмениваться результатами своей работы, осуществлять коммуникацию научного и музейного, библиотечного, архивного сообществ (работавшие в музеях — библиотеках — архивах историки применяют там профессиональные знания и навыки, а их сотрудники преподают в вузах, системе повышения квалификации и непрерывного образования, передавая свой опыт).

Теоретическое осмысление проблемы информационного обеспечения исторической науки и роли музеев — библиотек — архивов в нем требует методологического подкрепления, что позволит рационализировать деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию информации. Очевидное следствие такой рационализации — повышение коэффициента полезного действия исследовательского процесса за счет снижения затрат сил, времени, средств на формирование качественных информационных ресурсов, на актуализацию хранимого музеями — библиотеками — архивами историко-культурного наследия, на вовлечение его в научный оборот. Как настоятельная сегодня ощущается потребность в комплексном изучении имеющихся ресурсов для того, чтобы сопоставить и соотнести друг с другом ресурсы традиционные и электронные, виртуальные, чтобы устранить дублирование, выявить образовавшиеся лакуны и приступить к их системному заполнению.

Изучение практической деятельности по информационному обеспечению исторической науки, ее достижений и ошибок, моделей, технологий позволит глубже понять поставленную проблему и проверить соответствие сформулированных теоретико-методологических посылок реальности, показать «уходы» (из актуального состояния) и «возвраты» информации, представить эту деятельность во всем ее многообразии и конкретике, выявить этапы ее развития в контексте истории науки и культуры, создать целостную картину. Полученные при этом результаты могут дать бесценный материал для совершенствования этой деятельности в условиях информационной эпохи (со всеми ее преимуществами и рисками, связанными с нарастанием скорости течения информационных процессов и гипертекучестью информации в виртуальном цифровом пространстве), в том числе и в плане взаимодействия с музеями как хранителями овековеченной памяти человечества, а также с библиотеками и архивами.

Апробация поставленной нами проблемы принесла уже некоторые плоды, зафиксированные не только в наших статьях, но и в сборниках материалов конференций, в рамках которых проходило ее обсуждение. Предтечей ее постановки можно считать сборник 2002 г., вошедший в списки литературы ряда вузовских курсов по музеологии [Современная историография и проблемы содержания..., 2002]; идею тогда поддержали в ГИМе (В.Л. Егоров, Л.И. Скрипкина). Впервые же проблема рассматривалась

применительно к библиотекам в 2013 г. на юбилейной конференции ГИМа и ГПИБ России [150 лет на службе науки и просвещения, 2014; Бородкин, Воронцова, Мироненко, 2013]; вернулись к этой теме в 2016 г. — на Румянцевских чтениях [Румянцевские чтения, 2016] и XXI Ежегодной конференции Российской библиотечной ассоциации («круглый стол», организованный Секциями: 35 — специальных научных, научно-технических и технических библиотек; 07 — по истории библиотек; 34 — по особо ценным рукописным документам и редким книгам). На II Всероссийской конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» 2014 г. (Институт истории СО РАН, Новосибирск) проблема была одной из основных — прозвучала и на пленарном заседании, и на специальной секции [Современные тенденции в развитии музеев и музееведения, 2014], а на научно-практическом семинаре в марте 2015 г., посвященном Году литературы в России (основные организаторы — ГИМ и Государственный литературный музей), — центральной.

Многочисленность участников этих мероприятий, институциональный и географический охват, отклики на публикации, объемность и представительность первого сборника серии [Роль музеев, 2015] и издаваемого сейчас сборника являются показателем интереса к проблеме информационного обеспечения исторической науки. Судя по статьям публикуемого сборника, более восприимчивы к ней оказались историки, занимающиеся историей исторического знания и библиотек, локальной историей, исторической информатикой, а также библиографы и библиотековеды, представители негуманитарных наук с философским складом ума, проявляющие интерес к истории науки в целом и «своих» наук, информационщики, от сугубо технологических аспектов перешедшие к анализу информационных процессов в контексте тех объектов, к которым эти технологии применяются.

В то же время характер обсуждений, статьи в уже опубликованных сборниках и в сборнике публикуемом показывают, что проблема еще не отрефлексирована в должной мере. Требуют дальнейшего исследования теоретико-методологические подходы к ней, а также собственно история информационного обеспечения исторической науки. Мы надеемся, что волна интереса не угаснет и такие исследования появятся в ближайшем будущем.

Библиография

150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / Гос. публ. Ист. б-ка России. М., 2014. С. 363–508.

Бородкин Л.И., Воронцова Е.А., Мироненко С.В. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.6.11513.

Воронцова Е.А. Историческая наука и музей: «нам не жить друг без друга» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М.: ГИМ, 2002. С. 8–16.

Воронцова Е.А. Музей – архив – библиотека за информационное обеспечение исторической науки и против информационной энтропии // Информационное обеспечение науки: новые технологии: сборник материалов XIX научно-практического семинара БЕН РАН. М.: БЕН РАН, 2015(а). С. 222–231.

Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. 2015(б). Вып. 49. С. 163–189.

Каленов Н.Е. Библиотеки и информационное обеспечение науки в современных условиях // Информационные ресурсы России. 2008. № 1. С. 12–15.

Каленов Н.Е. Библиотеки ЦБС БЕН РАН и информационное обеспечение науки // Новые технологии в информационном обеспечении: Сб. науч. трудов. М.: Научный мир, 2007. С. 9–20;

Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. 752 с.

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. 223 с.

Румянцевские чтения – 2016: материалы междунар. науч.-практ. конф. Российской гос. б-ки (12–13 апр. 2016) / Российская гос. б-ка, Библиотечная Ассамблея Евразии; сост. Е.А. Иванова. Ч. 1–2. М.: Пашков дом, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андреева Александра Николаевна**, главный библиограф информационно-библиографического отдела Российской национальной библиотеки
Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 18; andreeva@nlr.ru
- Афанасьев Михаил Дмитриевич**, кандидат педагогических наук, директор Государственной публичной исторической библиотеки России, член совета Российского исторического общества
Москва, Старосадский пер., д. 9, стр. 1; maf@shpl.ru
- Бекжанова Наилия Вилевна**, кандидат педагогических наук, заведующий отделом научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук
Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1; onsl@rasl.nw.ru
- Бобкова Марина Станиславовна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории Российской академии наук
Москва, Ленинский просп., д. 32А; bobkova_marina@list.ru
- Бородихин Андрей Юрьевич**, кандидат филологических наук, заведующий отделом редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, ул. Восход, д. 15; borodichin@spsl.nsc.ru
- Бусыгина Татьяна Владимировна**, заведующая отделом научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, ул. Восход, д. 15; office@spsl.nsc.ru
- Валетов Тимур Якубович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; tim@hist.msu.ru
- Виноградов Владимир Алексеевич**, академик Академии наук СССР и Российской академии наук, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН (1972–1998), член дирекции ИНИОН – советник РАН. Почетный председатель Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. Председатель Головного органа Международной информационной системы социалистических стран по общественным наукам. Лауреат Государственной премии СССР (1982).
Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; info@iniop.ru
- Воронцова Евгения Александровна**, кандидат исторических наук, заведующая сектором Государственного литературного музея
Москва, Трубниковский пер., д. 17; ewogonpowa@mail.ru
- Гагарина Динара Амировна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры новейшей истории России Историко-политологического факультета Пермского государственного научного исследовательского университета
Пермь, ул. Генкеля, д. 7, корп. 2; dinara@psu.ru
- Гальперина Инна Георгиевна**, главный библиограф Научно-исследовательского отдела библиографии Российской государственной библиотеки
Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5; GalperinaIG@rsl.ru
- Горбунова Евгения Алексеевна**, заведующая отделом Информационного комплекса «Научная библиотека» Российского государственного гуманитарного университета
Москва, Миусская пл., д. 6; gorbunovae@gmail.com
- Горшкова Наталья Викторовна**, библиограф 2-й категории Научно-исследовательского отдела библиографии Российской государственной библиотеки
Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5; GorshkovaNV@rsl.ru

- Грузнова Елена Борисовна**, кандидат исторических наук, ученый секретарь Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина
Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 3; gruznova@rplib.ru
- Дергачева-Скоп Елена Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой древних литератур и литературного источниковедения Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета
Новосибирск-90, ул. Пирогова, д. 2; archeograph@gmail.com
- Злобин Евгений Валентинович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры электронных документов архивов и технологий Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета
Москва, Миусская пл., д. 6; zlobinev@mail.ru
- Именнова Любовь Сергеевна**, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Российской международной академии туризма
Московская обл., г. Химки, мкр-н Сходня, ул. Октябрьская, д. 10; imennova@yandex.ru
- Казakov Роман Борисович**, менеджер Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3; rkazakov@hse.ru
- Канищев Валерий Владимирович**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
Тамбов, ул. Интернациональная, д. 17; valcan@mail.ru
- Колесникова Марина Евгеньевна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета
Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1; kolesnikovam@rambler.ru
- Корниенко Сергей Иванович**, доктор исторических наук, руководитель лаборатории исторической и политической информатики, профессор кафедры новейшей истории России Историко-политологического факультета Пермского государственного научного исследовательского университета
Пермь, ул. Генкеля, д. 7, корп. 2; kornienko@psu.ru
- Кузьмина Ольга Валентиновна**, главный библиограф информационно-библиографического отдела Самарской областной универсальной научной библиотеки
Самара, просп. Ленина, д. 14а; kouzmina@libsmr.ru
- Левнер Михаил Вениаминович**, кандидат технических наук, заведующий Отделом редких изданий и архивных документов Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук
Москва, ул. Знаменка, д. 11/11; levner@benran.ru
- Леонов Валерий Павлович**, доктор педагогических наук, профессор, директор (1989—2016), научный руководитель Библиотеки Российской академии наук
Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1; valleo@mail.ru
- Лютков Сергей Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, ул. Восход, д. 15; ser.lutov@gmail.com
- Маловичко Сергей Иванович**, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета
Московская область, г. Орехово-Зуево, Зелёная ул., д. 22; sergei.malovichko@gmail.com
- Мамонтов Марк Александрович**, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки, заведующий группой библиографии библиографии, доцент кафедры информационной аналитики Санкт-Петербургского государственного института культуры
Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 18; mamontov@nlr.ru

- Мандрина Людмила Андреевна**, зав. сектором ретроспективной библиографии, старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, ул. Восход, д. 15; mandrinia@spsl.nsc.ru
- Маркова Татьяна Борисовна**, доктор философских наук, заведующая сектором библиотекведения научно-исследовательского отдела библиографии и библиотекведения Библиотеки Российской академии наук
Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1; kbv@gasl.nw.ru
- Матвеева Елена Юрьевна**, кандидат исторических наук, заведующая сектором научно-библиографической информации по гуманитарным наукам Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; office@inion.ru
- Минаков Сергей Тимофеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева
Орел, Воскресенский пер., д. 3; minakovst@mail.ru
- Морозова Венера Вениаминовна**, заведующая сектором частных коллекций Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина
Ульяновск, пер. Карамзина, д. 3/2; rarebooks@uonb.ru
- Немцов Виктор Михайлович**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук
Москва, ул. Рождественка, д. 12; viators@mail.ru
- Омельченко Дарья Михайловна**, кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук
Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1; onsl@gasl.nw.ru
- Панях Алла Викторовна**, заведующая отделом «Научная библиотека» Государственного музея истории религий
Санкт-Петербург. Почтамтская ул., д. 14; pani.alla@gmail.com
- Печенин Илья Викторович**, кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела отчетственного комплектования Государственной публичной исторической библиотеки России
Москва, Старосадский пер., д. 9, стр. 1; pechenin.kompl@shpl.ru
- Поврозник Надежда Георгиевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного научного исследовательского университета,
Пермь, ул. Генделя, д. 7, корп. 2; povroznik.ng@gmail.com
- Пронина Людмила Алексеевна**, доктор философских наук, директор Тамбовской областной универсальной научной библиотеки
Тамбов, ул. Интернациональная, д. 17; Pronina.Luda2014@yandex.ru
- Раздорский Алексей Игоревич**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки
Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18; razdor@nlr.ru
- Рафиков Азат Миннегазович**, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной универсальной научной библиотеки им. А.И. Герцена
Киров, ул. Герцена, д. 50; region@herzenlib.ru
- Рашковский Евгений Борисович**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино и Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Почетный член правления Российского Библейского общества
Москва, ул. Николаямская, д. 1; eugenio@libfl.ru

- Румянцева Марина Федоровна**, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3; m_roumiantseva@hse.ru
- Рыкова Валентина Викторовна**, старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, ул. Восход, д. 15; office@spsl.nsc.ru
- Рябова Вера Ивановна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук
Москва, ул. Знаменка, д. 11/11; head@benran.ru
- Сабельникова Ирина Леонидовна**, главный библиограф информационно-библиографического отдела Самарской областной универсальной научной библиотеки
Самара, просп. Ленина, д. 14а; sabel@libsmr.ru
- Сидоренко Наиле Афрасябовна**, заведующая справочно-библиографического отдела Библиотеки Российской академии наук
Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1; sbo@gasl.nw.ru
- Сидоров Александр Иванович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории Российской академии наук
Москва, Ленинский просп., д. 32А; alexhist@mail.ru
- Сидорова Любовь Алексеевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук
Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; lasidorova@rambler.ru
- Слива Алексей Иванович**, кандидат исторических наук, заведующий отделом научно-библиографической информации Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; office@inion.ru
- Соколов Аркадий Васильевич**, кандидат технических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры информационно-управляющих и мультимедиа систем Санкт-Петербургского государственного института культуры
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2; sokolov1.spb@gmail.com
- Соколова Надежда Юрьевна**, старший научный сотрудник Центра по изучению проблем информатики Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; info@inion.ru
- Соколова Татьяна Владимировна**, кандидат педагогических наук, заместитель заведующего отделом фондов и обслуживания Российской национальной библиотеки
Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18; lib.service@nlr.ru
- Струкова Елена Николаевна**, кандидат исторических наук, заведующая Центром социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России
Москва, Старосадский пер., д. 9, стр. 1; stru@shpl.ru
- Судовиков Михаил Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, директор Кировского областного краеведческого музея, руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной универсальной научной библиотеки им. А.И. Герцена.
Киров, ул. Герцена, д. 50; region@herzenlib.ru
- Сукиасян Эдуард Рубенович**, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий сектором Научно-исследовательского центра развития Библиотечно-библиографической классификации Российской государственной библиотеки, главный редактор ББК
Москва, ул. Воздвиженка, д. 1; sukiasyaner@rsl.ru
- Суриков Игорь Евгеньевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социаль-

- но-культурных исследований Российского государственного гуманитарного университета, профессор департамента истории Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института
Москва, Ленинский просп., д. 32А; isurikov@mail.ru
- Терюкова Екатерина Александровна**, кандидат философских наук, заместитель директора по науке Государственного музея истории религии, доцент кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Почтамтская ул., д. 14; eaterioukova@mail.ru
- Третьяков Андрей Леонидович**, ведущий специалист Центра информационной поддержки научных исследований Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, магистрант Санкт-Петербургского государственного института культуры
Санкт-Петербург, Средний просп., д. 57/43; andltretyakov@gmail.com
- Фролова Марина Михайловна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук
Москва, Ленинский просп., д. 32А; inslav@inslav.ru
- Харисова Алина Ринатовна**, магистр, соискатель по кафедре новейшей истории России Историко-политологического факультета Пермского государственного научного исследовательского университета
Пермь, ул. Генкеля, д. 7, корп. 2; alina.perin@mail.ru
- Цибизова Ирина Михайловна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела философии Центра гуманитарных научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Москва, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2; info@inion.ru
- Черный Юрий Юрьевич**, кандидат философских наук, руководитель Центра по изучению проблем информатики Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Москва, Нахимовский просп., д. 51/21; info@inion.ru
- Чубарьян Александр Оганович**, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, научный руководитель Института всеобщей истории РАН; президент Государственного академического университета гуманитарных наук; научный руководитель Центра источниковедения Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Председатель Национального комитета российских историков, сопредседатель Российского исторического общества
Москва, Ленинский просп., д. 32А; dir@igh.ru
- Чубарьян Оган Степанович**, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета библиотековедения (1945–1949), заместитель директора (1949–1953) и заведующий кафедрой библиотековедения (1953–1960) Московского библиотечного института; заместитель директора Государственной публичной научно-технической библиотеки СССР (1960–1963); заместитель директора по науке и методической работе (1964–1969) и исполняющий обязанности директора (1969–1972) Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Председатель Комиссии истории и теории библиотечного дела (1969–1976)
- Чумакова Татьяна Витаутасовна**, доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Менделеевская ул., д. 5; chumakovatv@gmail.com
- Шилов Денис Николаевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник группы исторической библиографии Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки
Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18; shildn@mail.ru

Научное издание

**РОЛЬ БИБЛИОТЕК
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**ROLE OF LIBRARIES
IN INFORMATION SUPPORT
OF HISTORICAL SCIENCE**

A COLLECTION OF ARTICLES

Автор-составитель *Е.А. Воронцова*
Редактор английского текста *М.М. Гурвиц*
Верстка *О.А. Донецковой*
Корректор *О.В. Круподер*

Автор проекта благодарит за помощь в подготовке сборников к печати *М.М. Гурвица, А.Б. Магамбетова, А.Ю. Никулина, О.А. Донецкову, Н.В. Комарову, И.К. Лобана, О.В. Круподер*

Подписано в печать 12.11.2016 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Печ. л. 42,0.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., 59а
Тел./фпкс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru